

Посольство Федора Писемского в Англию

*А се список посольства
Федора Писемского да подьячего
Неудачи Ховралев, как ся у них
в Англинской земле
государево дело делалось*

Лета 7090-го посол Федор Ондреевич Писемской да подьячей Неудача Ховралев пришли на Колмогоры июня в 23 день и дожидались караблей на Корельском устье три недели и четыре дни; и в ыюле в 18 числе пришли х Колмогорской х Корельскому устью аглинских 11 кораблей.

И Федор Писемской да подьячей Неудача спросили аглинских гостей, Ивана Романова с товарищи, все ли те карабли у них пришли с торгом. И они сказали, что к ним с товары пришло девять кораблей, а два карабля де с ними пришли воинские, для того что им про датцкие разбойники слух был в Англинской земле и королевна де те два карабля воинские послала для береженья, чтоб торговым караблем от датцких людей итти было безстрашно; а голову де на тех на воинских кораблех королевна прислала своего дворянина Христофора Кярлея.

И Федор Писемской и подьячей Неудача того же часа аглинским гостем Ивану Романову, да Ульяну Фомину с товарищи говорили, чтоб они отпустили их в караблех в Англинскую землю, не задержав. И они Федору и Неудаче сказали: «Отпустить де нам вас за море наперед иных караблей нельзя, потому что на море ходят датцкого короля многие воинские карабли и как де мы товары свои во все карабли покладем, и мы де вас отпустим со всеми карабли вместе».

И июля ж в 23 день, пришед к Федору и подьячему Неудаче, колмогорцы посадские люди Васка Товринов с товарищи сказали, что аглинские гости отпустили карабль назад в Англинскую землю, а не ведают для чево. И Федор

и подьячей Неудача тот же час к аглинским гостем, к Ивану к Романову с товарищи, послали толмача Елизара и велели им говорити: «Коим обычаем и для чего они карабль отпустили наперед в Англинскую землю, а Федору и Неудаче того не сказав? А они ж Федору и Неудаче сказывали, что было им все карабли отпустить за море вместе, а не на рознь».

И того ж дня к Федору и к Неудаче приехал аглинской гость Иван Романов и учал говорити: «Говорил де нам от вас толмач Елизар, будто мы карабль отпустили наперед за море; и мы де карабля за море не отпускивали, а отпускали де мы карабль в море воинской сторожевой, а не товарной, для того что де наши ж аглинские три карабли забежали от датцких людей на море безвестно, и тот де карабль пошел искати тех трех караблей, да и датцких воинских людей проведывати, чтоб датцкие люди на аглинские карабли х Корельскому устью безвестно не пришли; а проведав де тех аглинских трех караблей и про датцкие про воинские люди, воротитца опять назад х Корельскому устью тот же час».

И июля ж в 27 день к Федору к Писемскому да к подьячему к Неудаче привез от государя, царя и великого князя, сын боярской Семен Полтев государеву грамоту, а в грамоте написано: велено Федору и подьячему Неудаче ехать за море с аглинскими гостми от датцких разбойников с великим береженьем со всеми карабли, которые придут х Колмогорской пристани, сождався вместе, и не с одними с аглинскими, чтоб проехать от датцких людей приходу безстрашно. Да и аглинским гостем, и Ивану Белобороду, и иным купцом, которые х Колмогорской пристани пристанут, велено Федору и подьячему Неудаче молыти государево жалованное слово, чтоб они над датцкими розбойники промышляли и себя б оберегали; а что аглинские гости и Иван Белобород откажут, и Федору и Неудаче то велено отписати к государю.

И в кой час государева грамота к Федору да к Неудаче пришла, и они тот же час аглинским гостем и Ивану Белобороду говорили, чтоб они с Федором и с Неудачею шли за море на всех караблях, сождався все вместе.

И Иван Белобород сказал, что пришло к нему пять караблей: «И яз де тем своим караблем аглинских караблей дожидатись велю и отпущу их с аглинскими карабли вместе; а шестой де карабль пришел из Голинские земли к доктору к Ивану к Илфу; и в тот де карабль дохторовы Ивановы товары поклали, и хотят де на том карабле итти за море,

не дожидаясь ево, Ивановых караблей. И яз деи того карабля карабельщиком скажу то, что вы мне по государеве грамоте говорите; и поговорю им, чтоб они того карабля за море не отпускали, а дожидались бы аглинских караблей и шли, сождався со всеми карабли вместе; да что они мне откажут и яз де то вам скажу». А аглинские гости сказали, что им про датцкие про воинские люди ведомо; и для де того к ним пришло с товары девять караблей больших и наряду на них много; да для де береженья королевна послала с теми товарными карабли два карабля воинские. «И мы де надеемся на бога, мочно нам и одними аглинскими карабли пройти и вас провести в Англию безстрашно; а Ивановы де Белоборода карабли аглинским караблем не оборонь».

И на завтрее того дни июля в 28 день Федору да Неудаче Иван Белобород сказал, что он тем карабельщиком, которые пришли к Ивану к Илфу, государевым словом говорил, чтоб они дожидались аглинских да и его караблей и шли со всеми карабли вместе. И те де карабельщики ево не послушали и пошли за море. А которой карабль аглинцы отпустили в море наперед в июле в 23-м числе, а Федору и Неудаче сказали, что тот карабль, поискав аглинских караблей и проведав датцких воинских людей, назад будет х Колмогорской пристани; и тот карабль назад х Колмогорской пристани по та места, как Федор и Неудача сели в карабль, не бывал.

И Федор и Неудача агличаном Ивану Романову с товарищи говорили: «Отпустили вы карабль наперед нас в июле в 23-м числе, а нам вы про него сказали, что послали на том карабле на море искати аглинских караблей, которые забежали от датцких розбойников, да и про датцкие розбойники проведывати, а проведав про то про все, быти было тому караблю назад х Колмогорской пристани. И тот карабль почему назад не бывал?»

И они Федору и Неудаче сказали: «Стоит де тот карабль и ныне на море на стороже от датцких розбойников, чтоб датцкие розбойники на нас безвестно не пришли; а как де мы до того карабля морем дойдем, и тот де карабль пойдет в Аглинскую землю с нами ж вместе и вы де ево и сами увидите».

И сели в карабль Федор и Неудача у карабельщика, у агличенина у Рыцера Разсона, и пошли от Колмогорской пристани и с Корельсково устья за море с аглинскими гостми, с Иваном с Романовым с товарищи, и с Ивановыми

Белоборода карабли вместе августа в 11 день; а всех караблей пошло вместе от Корельсково устья аглинских десять караблей, да Ивановых Белоборода пять караблей. И шли полуденным ветром все карабли вместе два дни, а третей день встал ветер встречу с северу, и на море почала быть мгла и буря велика, и карабли многие портило и рознесло их врозь безвестно. А с Федором и с Неудачею осталось вместе всего три карабли аглинских да четвертой воинской карабль, на котором у них был голова Христофор Кярлель; и от того места шли те четыре карабли вместе датцкого короля до городка до Варгава девять ден; а с Колмогорской пристани шли до Варгава одиннадцать ден. И пришли под Варгав августа в 21 день, а по скаске карабельщиков от Колмогорской пристани до Варгава... верст. И не приставаая к берегу, карабли под Варгавом прошли мимо. А про городок про Варгав карабельщики сказывали, что городок камен, мал и худ; и люди в нем не живут, а живут люди многие на посаде по ямам.

А от Варгава те четыре карабли шли с Федором и с Неудачею вместе блиско берега Датцкие земли 21 день; а прошед Дацкую землю, шли блиско берега Шкотцкие земли три дни; а земля Шкотцкая была в праве. И прошед Шкотцкую землю, пришли на рубеж к Аглинской земле в субботу сентября в 15 день; а на рубеже карабли, к берегу не приставаая, прошли мимо; а карабельщики сказывали, что на том рубеже стоит аглинской городок камен, а прозвище ему Барвык. А Федору и Неудаче того города с карабля было не видеть, потому что шли от берега далече. И всего шли от Варгава до рубежа аглинские земли 24 дни; а от Колмогорской пристани шли до рубежа Аглинские земли пять недель; а по скаске карабельщиков от Варгава до Аглинские земли 2350 верст, а от Колмогорской пристани до рубежа Аглинские земли 3100 верст; а до государства Аглинсково до города до Лунды от Колмогорской пристани 3500 верст.

А в неделю сентября в 16 день пришли против аглинского городка Скарбара и тут встал ветер встречу и буря учла быть великая и караблей к Лунде не пустило. И карабельщики Федора и Неудачу отвезли с карабля в город Скарб; да с Федором и с Неудачею поехал в пристава место с воинсково карабля голова, дворянин королевнин Христофор Кярлель. И как Федор и Неудача под Скарбаром из судов вышли, и тут встретил их тово городка урядник мистер Пекот да с ним посадцкие лутчие люди; и, розспрося

у толмача Елизара про Федора и про Неудачю, дали им двор, а к воеводе того городка послали с вестию.

И тот же час приехал того городка воевода Едвар Ган, и Федора и Неудачю учал спрашивать: «Каким вы делом приехали, или в посланье?»

И Федор и Неудача ему говорили: «Приехали мы от государя своего царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, к вашей государыне, королевне Елизавети, о их государеве о великом деле посольством, а не с торгом; и ты нам вели дать корм и к городу к Лунде подводы».

И он Федору и Неудаче сказал: «Подводы вам и корм готов». Да тот же час велел дати корм. «А лошади под вас пришлю утре».

А город Скарбар камен, не велик; стоит у моря на берегу; а посад за городом не велик же; а в городе один воеводцкой двор.

И на завтрее того дни в понедельник сентября в 17 день, того города воевода Едвар Гян под Федора и под Неудачю, и под толмача и под люди прислал лошади свои и провожал сам до города до Хуля сорок верст. И приехали в Хуль-город того ж дни сентября в 17 день. А приехав, послали толмача Елизара тово города к намеснику к Вакфилю и велели ему говорити, чтоб он велел после подводы и корм дати. И он, распрося толмача Елизара, приказал к Федору и к Неудаче: «Корм де вам готов, а подвод де здесь мало, потому что город поморской; и яз де для подвод пошлю в уезд, а как подводы зберут, и яз их к вам пришлю тот же час». И в том городе Федор и Неудача за подводами жили два дни. А город Хуль камен и домов в нем много; а дома все камены; а стоит у губы морские.

И в четверг, сентября в 20 день, того города наместник Вакфиль прислал подводы и велел Федора и Неудачю проводить того города посадским людем тридцать верст до города до Ерка. И Федор и Неудача в город Ерк приехали того ж дни, сентября в 20 день. И в том городе живет удельной князь Езикской и как ему про Федора и про Неудачю сказали, и он велел дать двор и корм. А на завтрее того дни, в пятницу сентября в 21 день, тот удельной князь Езикской приехал к Федору и к Неудаче на подворье, да с ним того города лутчих немец дватцать человек; и учал Федора и Неудачю спрашивать: «Коим обычаем и для чего суды приезд ваш?».

И Федор и Неудача говорили: «Посланы есмя от своего государя, царя и великого князя, х королевне Елизавети о

их государевых о великих делах посольством; и ныне намлучилось дорога через город Ерк, и ты вели нам дати к городу к Лунде подводы».

И князь Езикской сказал: «Корм вам приказал яз вечер же давати, и подводы де велю ж збирати».

И того дни подвод сполна не прислали, и Федор и Неудача того дни начевали в городе Ерке же.

И на завтрее того дни, в субботу сентября в 22 день, привели подводы сполна, да и подорожную тот князь Езикской королевнину дворянину, что ехал с Федором и с Неудачею от Колмогор, Христофору Кярлелю дал за королевниною печатью; а велел под Федора и под Неудачю подводы имати от города от Ерка и до Лунды. И Федор и Неудача, отехав от города от Ерка тридцать пять верст, начевали в посадце в Донке. А в неделю, сентября в 23 день, отъехав от того места сорок верст, начевали в городе в Мятингаме; а город Мятимган камен не велик, а в городе дворов немного; а посад невелик же, а дома все камены. А в понедельник сентября в 24 день, отъехав от того городка сорок верст, начевали в селе в Хабаре. А во вторник сентября в 25 день, отъехав от того места тридцать пять верст, начевали в селе в Станы Страндорфе. А в среду сентября в 26 день, отъехав от того села тридцать верст, начевали в королевнине селе в Сент-Албансе от Лунды за дватцать верст.

А в четверг сентября в 27 день приехали в село в Сент-Албанс к Федору и к Неудаче из Лунды навстречу агличане, гости которые с Федором и с Неудачею ехали з Руси, Иван Романов да Тамас Иванов; и сказали, что они на своих караблах в Лунду пришли здорово; «а на котором де карабле вы ехали, и тот де карабль ещо в Лунду не бывал». А про королевну сказали, что ее в Лунде нет, выехала де из Лунды для морового поветрея и живет де ныне в городе Вынзоре, от Лунды за дватцать верст. «А нас де послали к вам на встречу королевнины советники; а велели де нам вас поставить до указу в селе в Татном Гей Красе, от Лунды за семь верст; да и корм де про вас готовлен в том же селе; а в Лунду де вас водити не велели для того, что в Лунде моровое поветрее. А до тех мест, покаместа королевна к вам пристава своего пришлет, велено нам у вас быти в приставово место».

И Федор и Неудача с теми с аглинскими гостями в село в Татно Гей Красо приехали того ж дни, сентября в 27 день. А дворянин королевнин Христофор Кярлель, что ехал с

воинского карабля с Федором и с Неудачею в пристава место, поехал ис тово села х королевне.

И на завтрее того дня, сентября в 28 день, учал Федор и Неудача агличан роспрашивати про карабли, которые ходили на Русь, все ли те карабли в Лунду пришли здорово?

И агличане сказали: «Которые де карабли ходили на Русь, и те де карабли пришли здорово; а на котором де карабле ехали вы, и тот де карабль в Лунду ещо не пришол; а весть де про него пришла же, что и тот карабль с моря в реку в Темис вшел здорово же и ждут его в Лунду сегодни».

И Федор и Неудача толмачю Роману Бекману говорили: «Отпустили агличане от Колмогорской пристани наперед нас карабль в ыюле в 23-м числе, а нам про него сказали, что отпустили его на море на сторожу, чтоб дацкие люди безвестно не пришли; и мы того карабля едучи и до аглинские земли не видали; и ты проведай про тот карабль, сколь давно он в Лунду пришел — наперед ли нас или опосле?».

И сентября в 29 день толмачь Роман Бекман Федору и Неудаче сказал: «Про тот де я карабль, что наперед вас отпустили агличане от Колмогорской пристани, проведаль: пришел де тот карабль в Англею за пять ден до вашего приезду».

И Федор и Неудача про тот карабль и сами агличан роспрашивали, которые умеют по-русский: «Сколь давно в Лунду пришел карабль с Руси наперед нас с вестью?»

И агличане сказали про тот карабль те же речи, что толмачь Роман Бекман сказывал: «Пришел де тот карабль с Руси за пять ден перед вашим приездом».

А в понедельник октября в 1 день приехал от королевны дворянин Иван Апзь, и говорил Федору и Неудаче, сняв шляпу: «Сказали де про вас государыне нашей, королевне Елизавети, ее ближние люди, что вы пришли к ней от великого государя в посланье. И она, слышав брата своего, а вашего государя, царя и великого князя, здоровье, рада, потому что государь ваш с нею живет в братцкой любви и приязни и людей ее, которые ездят на Русь, жалует. А вам де королевна велела поклонитись и велела де вас спросити: здорово ли вы до Аглинские земли доехали? И как ехали Аглинскую землю, нужи какие и бещества вас от кого не было ли?»

И Федор и Неудача против королевнина слова говорили, сняв же шапки: «Государя своего, царя и великого князя, землю и морем до Аглинские земли доехали есмя, дал бог, здорово; и Аглинскою землю ехали есмя по ся мес-

та здорово же; и нужи нам, едучи Аглинскою землею, не было никоторые: подводы нам и корм в Аглинской земле давали. А на королевнине жалованье челом бьем, а тебе говорим: пришли есмя от государя своего к вашей государыне, х королевне Елизавети, о их государевых о великих делех, и ты то донеси до королевны или до ее советников, чтоб она велела нам у себя быти на посольстве, не замочав».

И он сказал: «Яз де до своей государыни, до королевны, те ваши речи донесу». А изговоря то Федору и Неудаче, поехал опять х королевне.

И на завтрее того дни, во вторник октября в 2 день, приехал к Федору и к Неудаче от королевны Христофор Кярлель, которой ехал с Федором и с Неудачею от Колмогор в головах на воинском карабле, и сказал: «Был де яз у королевны в городе Вынзоре, и про вас де королевне росказал подлинно; и королевна де, слыша брата своего, а вашего государя царя и великого князя, здоровье и его братцкой любви и приязни рада; и приказала вас своим советником покоити всем довольно. А быти де вам вскоре у королевны нельзе, потому что де в Лунде моровое поветрее, и она де для морового поветрея из Лунды выехала, а ближних своих людей розпустила по своим именьям».

Да Христофор же Федору и Неудаче сказал: «Прислал де король литовской х королевне гонца своего з грамотами; а пишет де х королевне, чтоб ей быти с ним в братстве и в соединенье и просит у королевны на войну людей; а того де не ведаю, с кем у него война будет. И тот де гонец назад ещо не отпушон, и отказу ему королевна не учинила никоторого». А сказав то, Христофор поехал в город в Лунду.

И Федор и Неудача толмачом Елизару да Роману Бекману говорили, чтоб они про того литовского гонца проведали: хто имянем и для чего у литовского короля с королевною ссылка?

И толмач Елизар Федору и Неудаче сказал те же речи, что Христофор Кярлель сказывал: «Пишет де король литовской х королевне, чтоб ему с королевною быти в братстве и просит у королевны людей на войну; а того де не ведомо, с кем у короля война будет».

А другой толмач, Роман Бекман, Федору и Неудаче сказал: «Про литовского де гонца, для чего он х королевне прислан, проведывал и сказывают де, что писал король литовской х королевне о торговом деле, что ездил аглинские гости торговати во Гданеск и ныне де король хочет учинить

торг всяким иноземцом в Прусех в городе в Мемеле; и королева велела своим гостем ездити торговати в Прусы в город в Мемель, а во Гданеск бы ездити не велела».

И после того в четверг октября в 4 день пришел к Федору и к Неудаче толмач Елизар и сказывал: «Велели де мне королевнины советники быти к себе в Лунду, а того де не ведаю для чего».

И Федор и Неудача в Лунду к королевниным советником ехати ему велели и ево, Елизара, назад не было три дни.

А в неделю октября в 7 день приехав, толмач Елизар Федору и Неудаче сказал: «Был де яз в Лунде у королевниных советников и они де меня спрашивали: есть ли со мною к королевне от дохтора от Романа какое письмо? И яз де им сказал: есть со мною к королевне от дохтора от Романа грамота, да велено мне та грамота отдать королевне, а вам ее давати не велено. И королевнины де советники отослали меня к королевне в город Вынзор; и яз де королевнины очи видел и грамоту дохторову королевне отдал; и королева де, взяв у меня грамоту, молыла мне: послом де у меня вскоре быти нельзе, для того что в Лунде моровое поветрее; и яз де живу здесь только с своими з дворовыми людьми, а ближних де своих людей и советников всех распустила по своим именьям. И изговоря то, королева велела меня к вам отпустить».

И в субботу октября в 13 день приехал к Федору и к Неудаче от королевны служилой немчин Христофор Хучдон и говорил Федору и Неудаче от королевны, сняв шляпу: «Государыня наша Елизавет-королева велела мне вас спросити: нет ли вам какие нужи и корм наш до вас доходит ли? Да и о том де велела вам говорити, чтобы вы не кручинились о том, что она вам у себя на посольстве быти долго не велит; затем вам у нее на посольстве быти вскоре нельзе, что в Лунде моровое поветрее и она живет в городе Вынзоре с своими з дворовыми не со многими людьми, а ближних всех своих людей и советников распустила по своим именьям, а держати де у себя многих людей для поветрея не смеет. А ныне де вас королева приказала перевести в село в Улючь и велела вас дати двор стояти лутче и пространнее тово двора, на коем вы ныне стоите и пристава де своего к вам пришлет часа сего».

И Федор и Неудача на королевнине жалованье челом били, а ему говорили: «Нужи нам никакие по ся места королевниным жалованьем не бывало; и корм нам, ее жа-

лованье, дают. А стоять нам, где ни велит королева, тут нам ровно. Ныне нам то и большая нужда, что пришли есмя от своего государя, царя и великого князя, к вашей государыне, к королевне Елисавети, о их государевых о великих делех и живем в Аглинской земле больши трех недель, а королевниных очей не видали и посольства от своего государя к ней не исправили».

Христофор Хучдон сказал: «Яз де те ваши речи до королевны донесу».

И после того, октября в 18 день, приехали к Федору и к Неудаче аглинские гости, от которых на Москве торгуют: алдраман Барн, да алдраман Мартын, да алдраман Тоорсен, да алдраман Полисен, да с ними торговых людей, от которых на Руси же торгуют, человек с тридцать, и говорили Федору и Неудаче от королевны: «Велела де нам вас государыня наша, королева, с сего места перевести в иное место, в село Вулучь и двор вам велела дати лутче и пространнее того двора, на котором вы ныне стояли; и покоити вас приказала нам всем довольню».

И Федор и Неудача им говорили: «Присланы мы от своего государя, царя и великого князя, к вашей государыне, к королевне Елисавети, о их государевых о великих делех; и мы жадаем того, чтоб королева велела нам быть у себя на посольстве, не задержав нас. А двор нам стоять где не велит дать, в том ее воля, по ее жалованью везде нам ровно».

А аглинские гости говорили: «Иного де с нами приказу от королевны нет никоторово; только с нами и приказу от королевны, что вас велено перевести и поставить в селе Вулюче, и корм вам велено давать доволен».

А изговоря то, Федора и Неудачю перевели в село Вулючь, от Лунды за восемь верст.

И в среду, октября в 24 день, приехали к Федору и к Неудаче от королевны дворянин ее, который был у государя на Москве от королевны в посольстве Томос Рандолф, да служивой немчин Христофор Хучдон, да с ним королевниных детей боярских четыре человеки. И говорил от королевны Федору и Неудаче Томос Рандолф, сняв шляпу: «Государыня де наша, королева Елисаветь, велела вам поклонитца, да велела вас спросити: нет ли вам какие нужи, и корм вам доволен ли доходит?».

И Федор и Неудача на королевнине на жаловальном слове челом били, и говорили против королевнина слова, сняв же шапки: «Королевниным жалованьем нам нужи

нет никакие и корм нам дают; а тебе говорим, чтоб ты наши речи донес до королевы: чтоб нам королева велела у себя быти на посольстве; пришли есмя от своего государя к ней о их государевых о великих делех».

И он Федору и Неудаче сказал: «Яз де те ваши речи до королевы донесу».

Да Томос же Рандолф в те поры Федору и Неудаче в разговоре говорил: «Был де яз послан от своей государыни, от королевы Елизаветы, к вашему государю, к царю и великому князю, в посольстве и государя де вашего жалованье было к нему великое; и яз де, поминая его государево к себе великое жалованье, рад ему, государю, служить, где будет возможно, всем сердцем и до своего живота».

И после того в неделю, октября в 28 день, приехали к Федору и к Неудаче из Лунды аглинской гость, которой был на Москве, Иван Романов и сказал Федору и Неудаче: «Был де приказ от королевы ее ближнем людем в Лунде: в кой час поветрее учнет миноватись и вам бы у нее тотчас быти на посольстве; и грехом де нашим поветрее в Лунде еще не унялось и вам де у нее вборзе нельзе быти на посольстве».

И Федор и Неудача ему говорили: «Сказываете вы нам, что королева не велит нам у себя быти долго на посольстве за поветреем; и мы слышали, как пришли есмя в Аглинскую землю и в те поры приехал х королеве от литовского короля гонец, и стоял тот гонец в городе Лунде на посаде, а из Лунды был у королевы, да и назад в Литву тот гонец давно отпущен; а в Лунде сказываете поветрее; а мы, приехав, живем недель с пять и не в поветренных местех, а королева нам на посольстве у себя быти не велит, и в том ее воля».

И Иван Романов сказал: «Литовской де гонец был у королевы для того, что он человек лехкой, прислан з грамотами, потому ему и отпуск вборзе учинен; а вы де послы, и вам де у королевы быти на посольстве без ее советников и без ближних безо всех людей нельзе».

И после того во вторник, октября в 30 день, приехал к Федору и к Неудаче тот же аглинской гость Иван Романов и сказал Федору и Неудаче: «Писали де по королевнину слову советники ее в Лунду к алдраманом, а велели вам сказати, что вам быти у нее на посольстве в городе Вынзоре на сей же неделе в воскресенье ноября в 4 день, а ехати де вам отселе х королеве в пятницу».

И в четверг, ноября в 1 день, приехал от королевы к Федору и к Неудаче аглинской большой гость алдраман Барн и сказал Федору и Неудаче: «Государыня де наша, королева Елизаветь, велела вам у себя быти на посольстве в городе Вынзоре в воскресенье ноября в 4 день; а мне де у вас велела быти в приставех; а ехати де вам к ней в город Вынзор завтра; а суды де под вас, в чем вам к ней ехати, хочет королева прислати свои, в которых сама ездит, да и гребцов пришлет своих же; а за восемь де верст до города до Вынзора пришлет вас встречать своих ближних людей».

И Федор и Неудача молили: «Мы де х королевские ехати готовы».

И в пятницу, ноября в 2 день, прислала королева к Федору и к Неудаче аглинских гостей, от которых торгуют на Москве, алдрамана Полисня, да алдрамана Мартына, да алдрамана Алтея с товарищи, всего дватцать человек; да с ними прислала суды и гребцы свои; а велела ехати Федору и Неудаче к себе в город Вынзор. И Федор и Неудача х королеве поехали: а с ними поехали пристав алдраман Барн и иные алдраманы и гости, которые приехали от королевы. И ехали рекою Земисью подле города Лунду в сквозе посад; и проехав Лунду, начевали в селе Кинксоне, от Лунды дватцать верст. А в субботу, ноября в 3 день, отъехав от того села дватцать верст, начевали в селе в Стеансе, от города от Вынзора за восемь верст.

А в неделю ноября в 4 день приехали к Федору и к Неудаче на встречу от королевы ее ближние люди: князь сар Гари Невель да Томос Рандолф, что был у государя на Москве в посольстве; да с ними дворян королевных три человеки: Индрик Порт, да Рычарь Ален, да Борлосвир. А приехав, говорили от королевы Федору и Неудаче князь сар Гари Невель да Томос Рандолф, сняв шляпы: «Государыня наша королева Елизаветь, любячи брата своего, царя и великого князи, вас чтит: послала нас к вам на встречу и велела нам с вами ехати к себе в город Вынзор; а быти вам у нее на посольстве сево дни после стола; а ехати де нам с вами до Инзора в судех, а как в город Вынзор приедем и королева под вас пришлет колымаги свои».

И Федор и Неудача на королевнине на жаловальном слове челом били и пошли с ними в суды. И шли до судов; князь сар Гари Невель шел и Томос Рандолф у Федора

и у Неудачи с левые стороны. А седчи в суды, приехали в город Вынзор к посаду часу в семом дни; и как из судов вышли на берег и туто была встреча: королевнин конюшей Рофлянт да с ним служивых немец дватцать человек. И сшедчись с Федором и с Неудачею, Рофлянт витался за руки; а после того говорил от королевны, сняв шляпу: «Государыня де наша, королевна Елизаветь, для брата своего, а вашего государя царя и великого князя, любви вас жалует: прислала меня к вам на встречу, а со мною прислала под вас колымагу свою, в которой она сама ездит, да под толмачи и под люди под ваши шесть колымаг; а велела мне с вами ехати до себя».

И Федор и Неудача на королевнине жалованье челом били и, седчи в колымаги, с ними х королевне поехали. И приехав в город, Федор и Неудача вышли из колымаги у королевнина двора и туто встреча была: королевнины ближние люди, князь викунт Мунтикую, да князь Норис, да с ними дворян королевниных пятнадцать человек. И сшедчись с Федором и с Неудачею, князь викунт Мунтикую да князь Норис витались за руки; а витався, пошли с Федором и с Неудачею х королевне на двор; а шли они оба у Федора и Неудачи с левые стороны; а первая встреча князь сар Гари Невель да Томос Рандолф, и другая встреча королевнен конюшей и дворяне королевнины, которые приезжали на встречу с колымагами, шли наперед; а пристав алдраман Барн и иные алдраманы и гости, которые ехали х королевне с Федором и с Неудачею, шли назади у Федора и у Неудачи; а за гостми шли Федоровы и Неудачины люди. А пришед на двор ввели Федора и Неудачю в полату и велели посидети подождати от королевны присылки.

И в тот же час пришли к Федору и к Неудаче от королевны ее ближние советники: удельные князи — князь адмирал ер Линконской, да князь ерль Бедфорский, да князь Хундочь, да с ними королевнин думной дьяк Францыс Валсимгам, да дворян королевниных десять человек. А пришедчи, Федору и Неудаче говорили: «Государыня де наша, королевна Елизаветь, прислала нас к вам: а велела вам молыти, чтоб вы о том не досадовали, что вам велела здесь подождать; узже вам велит у себя быть».

А изговоря, пошли х королевне, а с Федором и с Неудачею остались в полате князь викунт Мунтикую да Норис, что встречали Федора и Неудачю у королевнина

двора; да конюшей королевнин Рофлянт, да князь сар Гари Невель, да Томос Рандолф, да дворяне королевнины, которые были на встречах, да пристав алдраман Барн и гости аглинские, от которых торгуют на Руси.

И немного погодя, велела королевна Федору и Неудаче итти к себе; и Федор и Неудача пошли х королевне. А наперед шла встреча первая, что встречали в селе в Стеансе, да другая встреча, что встречали с колымагами; а с Федором и с Неудачею шла последняя встреча, что встреча у королевнина двора; а шла та последняя встреча у Федора и у Неудачи по левой стороне; а назади шли гости аглинские, а за гостми шли люди посольские.

И как Федор и Неудача вошли х королевне в полату, и встреча им была у дверей — королевнины ближние советники князи удельные, князь Робор Лестерской, да князь Унтюнтенской; и сшедчись с Федором и с Неудачею, витались за руки; а витався за руки, шла та встреча х королевне у Федора и Неудачи по левой же стороне. А середь полаты была встреча: королевнины же ближние советники — князь лорд Георд, да Христофор Хатен.

И пришедчи перед королевну, Федор учал правити от государя королевне поклон, королевна против государева имени и поклону встала и, отшед от места с сажень, велела Федору и Неудаче к себе блиско подойти; и Федор и Неудача подступили к ней блиско и правил Федор королевне поклон по цареву и великого князя наказу. И королевна Федора звала к руке: и Федор у королевны был у руки, являл ей от государя поминки, и королевна государевы поминки принимала сама и отдавала своему казначею трезерю, и на поминках государю челом била. И после того Федор подал от государя королевне верующую грамоту; и королевна, приняв грамоту, посматривая ее печати, отдала диаку своему Францыс Валсимгаму, а Федору молыла: «Яз де рузской грамоте не умею: будет у вас есть с тое грамоты список переведен на аглинской язык, и вы дайте мне список».

И Федор взял у толмача у Елизара с верующие грамоты переводной список, подал королевне.

А после того Федор и Неудача явили королевне от себя поминков: Федор сорок соболей, да пару соболей, а Неудача сорок соболей, да толмач Роман Бекман пару соболей. И королевна у Федора и у Неудачи и у толмача, у Романа поминки приняла своими же руками и отдала своему казначею. И Федор говорил речь по цареву и великого князя

наказу; а после Федора говорил речь Неудача; а после того говорил речь Федор же.

И королевна учла быть весела и говорила Федору и Неудаче: «Яз де брата своего, а вашего государя царя и великого князя, братцкой любви и приязни рада; и желаю того, чтобы мне велел бог самого брата своего, а вашего государя, в очи видети».

И Федор и Неудача говорили: «У государя нашего, у царя и великого князя, со многими цари и короли ссылка, а ни х кому у государя нашего такие любви нет, как с тобою имеет братство и любовь: имеет тебя себе сестрою любительною, а любит не словом, всею душою в правду, и хочет с тобою быть в братцкой любви и в докончанье».

И королевна говорила: «Яз де брату своему, а вашему государю на его любви челом бью и в братцкой любви и в докончанье быти, и на всех недругов с ним стояти за один рада. Да хто будет государю вашему недруг, тот будет и мне недруг».

Да королевна же учала Федора спрашивать про здоровье государевых детей, про царевичев.

И Федор говорил: «Государя нашего сын, царевичь князь Федор, дал бог здорово. А большова сына у государя нашего, царевича князя Ивана, божия воля ссталася, не стало».

И королевна говорила: «Чтоб яз слышала про здоровье царевичево князь Иваново, и яз бы здравью его рада была; да в том божья воля, по та места судил бог ему жити. И яз де ныне слыша про брата своего, а вашего государя, здоровье и про сына его, про царевича князь Федорово радуясь».

Да королевна жь Федора и Неудачи спрашивала: «Земля де ваша Руская и государство Московское по старому ли? И нет ли в вашем государстве в людех какие шатости?».

И Федор и Неудача говорили: «Земля наша и государство Московское, дал бог, по старому, а люди у государя нашего в его государстве твердой руке; а в которых людех и была шатость, и те люди, вины свои узнав, государю били челом и просили у государя милости, и государь им свою милость показал. И ныне все люди государю служат прямо, а государь их жалует».

И королевна говорила: «Мне де то, по брата своего любви, за честь, что, дал бог, в его земле шатости нет, и служат ему прямо, а он их жалует».

Да королевна же Федора и Неудачи спрашивала про свою про Аглинскую землю: «Ехали де есте нашею Аглинскою землею от города от Скарбара до Лунды, и вы видели какова Аглинская земля, и вам, едучи, нужи какие не было ли?»

И Федор и Неудача говорили: «Земля Аглинская людна добре и угожа, и изобильна всем; и нам в твоей земле по ся места твоим жалованьем нужи не было некоторые».

А изговоря то, Федор подал королевне от государя государеву грамоту, которая грамота от государя к Федору и к Неудаче прислана на Колмогоры.

А подав грамоту, Федор королевне говорил: «Тое грамоту государь наш прислал к нам на Колмогоры, а велел нам ее отдати тебе, сестре своей Елизавет-королевне».

И королевна, приняв грамоту, говорила: «Посольство де яз ваше выслушала и грамоту верущую вычла; а договору де подлинново о том деле, для чего вы ко мне присланы, севодни советником моим с вами чинити неколи: велю де вам у себя быти опять и в те поры прикажу с вами своим советником договор учинити о всем подлинно, или пришлю к вам советников своих о том деле говорить; а ныне вы поедьте к себе; а о том деле не подосадуите, что яз вам долго у себя быти на посольстве не велела, для того, что в Лунде поветрее и яз здесь жила не со многими людьми, а ближние мои люди и советники были все роспущены по своим именьям».

И Федор и Неудача, королевне ударя челом, пошли от королевны ис полаты; и провожали их до дверей в полате те же королевнины советники, которые у королевны в полате Федора и Неудачю встречали; а как Федор и Неудача ис полаты от королевны вышли, и королевнин дворецкой сор Джемис Кравской уча Федора и Неудачю подчивати овощи и понесли питье.

И Федор и Неудача, прикушав овощей и питья, пошли в колымаги; а провожали их до колымаг те же королевнины ближние люди, которые Федора и Неудачю встречали у колымаг: князь викунт Мунтикую, да князь Норис, да дворяне королевнины, которые с ними были на встрече. А в колымагах до судов провожали королевнин конюшей, которой приезжал на встречу с колымагами, да первая встреча, что встречали в селе в Стеансе князь сар Гари Невель да Томос Рандолф, да дворяне королевнины, ко-

торые с ними были на встрече. А проводив до судов, Федору и Неудаче говорили: «Государыня де наша, королевна Елизаветь, велела нам вас проводить до судов; а в судех велела де вас провожати до вашего стану, где мне дан двор, до села до Улюча аглинским гостем, которые с вами х королевне ехали; а в приставех де велела у вас быть аглинскому лутчему гостю алдраману Барну». А изговоря то, поехали х королевне.

И Федор и Неудача с аглинскими гостями, седчи в суды, поехали к себе к стану и, отъехав от города Вынзора восемь верст, начевали в селе Стеансе. А в понедельник, ноября в 5 день, ис села ис Стеанся поехали к себе на стан в село Вулючь и, не доезжая Лунды до четыре версты, а от своего стану от села от Улюча за 12 верст, начевали в селе Арчме.

А во вторник, ноября в 6 день, Федор и Неудача поехали к себе на стан в село Вулечь; и как ехали в сквозь Лунду, и в те поры почали стрелять ис пушок; а пристав алдраман Барн Федору и Неудаче говорил: «То де государыня наша, королевна, любя брата своего, а вашего государя, вас жалуует, велела вам учинить почесть, как вы поедете в сквозь Лунду и она в те поры приказала стреляти из наряду».

И Федор и Неудача говорили: «Волен бог да королевна, как ей годно, так и чинит».

А проводив гости Федора и Неудачю до стану до села до Улеча, поехали в город в Лунду. А у Федора и у Неудачи остался в приставех лутчей аглинской гость алдраман Барн.

А как Федор и Неудача у королевны на посольстве были и в те поры у королевны стояли по правой руке, а в полату идучи на леве, королевнины ближние советники: князь Робор Лестерской, да князь адмирал Линконской, да князь Бедфорской, да князь Хундочь, да князь лорд Георд, да князь Унтюнтенской, да Христофор Хатен, князь из Варвик, да князь из Нортумъбардянд, да князь из Ворнълянд, да князь ис Кент, да князь из Вилтон, да казначей лорд Трезер, да лорд Рыч, лорд Чени, лорд Норт, Францыс Кнолцемис Крозтез, да дьяк Францыс Валсимгам, а по левой руке у королевны, а в полату идучи по правой стороне, стояли боярыни и девицы. А на дворе от ворот до полаты королевнины, по обе стороны, как Федор и Неудача шли, стояли с оружием человек с чыреста и больши, а на всех платье шарлатно, а на иных скорлатно.

И ноября в 25 день приехали к Федору и к Неудаче из Лунды гости: пристав алдраман Барн, да алдраман Аучбарн, да Христофор Хучдон, да Иван Романов с товарыщи, всего пятнадцать человек, и говорили Федору и Неудаче: «Государыня де наша, королевна Елизаветь, любячи своего брата, а вашего государя, царя и великого князя, вас жалуует: прислала нас к вам, а велела нам с вами ехати гуляти в свои заповедные острова оленей бити, да и охотников де и псарей своих в то село для вас велела послати».

И Федор и Неудача говорили: «На королевнине жалованье много челом бьем, а гуляти нас ныне ездити не пригодитца, потому присланы есмя от своего государя х королевне о их государевых о великих делех, и мы у королевны на посольстве были, а делу государеву, для чего мы присланы, по ся места и почин не бывал. А се ныне у нас говенье: мяса мы не едим и нам оленина к чему пригодитца?».

И пристав алдраман Барн говорил: «Королевна вас жалуует, любячи брата своего, а вашего государя, и хотя с ним доброго дела; а то де и мы ведаем, что у вас ныне говейно: вы мяса не едите, ино де мы мясо едим; а не поехать де вам с нами ныне, и королевне будет на вас досадно».

И Федор и Неудача с ними гуляти ездили; и которые олени побили, и те олени гости по себе розняли.

И декабря в 17 день приехали к Федору и к Неудаче пристав алдраман Барн и сказал: «Говорили де есте государыне нашей, королевне Елизавети, на посольстве, чтоб она советником своим с вами приказала о том деле, для чего вы к ней присланы, договор чинити. И государыня наша, королевна, приказала своим ближним советником удельным князем — князю Робору Лестерскому, да князю Унчъдону, да Христофору Хатеню, да дьяку своему Францис Валсимгаму — с вами о том деле, для чего вы х королевне присланы, говорити. А съехатца де вам с ними завтра на королевнине дворе в селе Греновичах».

И Федор и Неудача алдрамана Барна спросили: «Сколь далече от тово села, где мы ныне стоим, до села Греновичь, и как нам до того села ехать — на конех ли или водяным путем?»

И алдраман Барн сказал: «До села де до Греновичь версты з две, а ехати вам в судех, а суды велю приготовить к утрею».

И Федор и Неудача говорили: «Мы с советники съехались, где нам велит королева, и говорити о государеве деле, для чего мы присланы, готовы».

И на завтрае того дни, во вторник, к Федору и к Неудаче приехали из Лунды гости, от которых торгуют на Руси, алдраман Мартын, да Скомер Смит, да Иван Романов с товарищи, всего их десять человек, и сказали: «Государыня де наша, королева Елизаветь, велела вам съехаться с своими советники в селе Греновичи, а нам велела ехати с вами же». И Федор и Неудача с приставом алдраманом Барном и с теми гостми, что приехали из Лунды, сетчи в суды, к советником в село Греновичи поехали.

И как в село Греновичи под королевнин двор приехали и вышли из судов, и тут у судов Федора и Неудачю встретил королевнин советник Христофор Хатен, а за ним пришло немец человек с шездесят; и встретясь Христофор с Федором и с Неудачею, витался за руки; а витався за руки, пошли на королевнин двор; а шол он у Федора и у Неудачи с левые стороны; а гости аглинские, которые с Федором и с Неудачею приехали, шли назади. И как пришли к королевнину двору, и перед воротаы встречали Федора и Неудачю королевнины советники: князь Робор Лестерской, да князь Унчдон, да дьяк Францис Вальсимгам; а сшедчись с Федором и с Неудачею, витались за руки, а витався за руки, пошли на королевнин двор; а шли у Федора и у Неудачи с левые стороны.

И как вошли в полату, и учили они Федору и Неудаче говорити: «Говорили де есте государыне нашей, Елизавет-королевне, на посольстве, чтоб она своим советником велела с вами о том деле, для чего вы к ней присланы, договор чинить. И государыня наша, королева, велела нам вас спросити: что ваше посольство и о какове деле? Что вы то дело объявили».

Федор и Неудача говорили: «Присланы есмя от своего государя, царя и великого князя, к вашей государыне, к королевне Елизавети, о их государевых о великих делех; и нам с вами о такове о великом деле при многих людех говорить нельзе; и вы тех людей, кому с нами о том деле говорить не приказано, велите выслати вон».

И королевнины советники людей всех ис полаты выслали вон. А стали с Федором и с Неудачею о том деле говорить всего их королевнинных советников четыре челове-

ки: князь Робор Лестерской, да князь Унчдон, да Христофор Хатен, да дьяк Францис Вальсимгам.

И Федор и Неудача говорили: «Государь наш, царь и великий князь, прислал нас к сестре своей, а к вашей государыне, королевне Елизавети, для того: из давних лет была государю нашему ссылка с вашим государем, с Едвардом королем, и после того с Филипом королем и с королевою Марьею; и посланник у них был государя нашего Непея Григорьев; а после того с королевною Елизаветью многие ссылки государю нашему бывали, а дела доброго не совершалось; и государь наш, хотя с вашею королевною с Елизаветью братцкие любви и приязни, нас, послов своих, послал к ней о том известить: на какове мере с нею быти в докончанье, и на всякого недруга стояти с нею, и быти за один; и в какове мере сестре его, Елизавети-королевне, быти в докончанье возможно, и на всякого недруга стоять за один, и которым обычаем? О том велел сестры своей королевны Елизавети, да и вас, ее советников, спросити».

И королевнины советники Федора и Неудачи спросили: «В какове же государь ваш докончанье с нашею государынею, с королевною Елизаветью, быть хочет и как на всех недругов за один стояти?»

И Федор и Неудача говорили: «Государь наш, царь и великий князь, хочет с своею сестрою, с королевною Елизаветью, а с вашей государынею в докончанье и в соединенье быти потому, что учинился государю нашему недруг Стефан, король польский и литовской, а спомогают ему папа и цысарь и иные короли. А королевнины Елизавети люди ото многих лет живут в государя нашего земле, и государь наш их жалует по тому же, как и своих людей. И государь наш того хочет от своей сестры, от королевны Елизавети, а от вашей государыни, хто будет государю нашему друг, тот бы и королевне Елизавети друг, а хто государю нашему недруг, тот бы и королевне Елизавети недруг; а хто королевне Елизавети друг, тот бы и государю нашему был друг, а хто королевне Елизавети недруг, тот бы и государю нашему недруг, и на всех бы недругов стоять за один, и где возможно туто способствовати другу друга людьми; а где невозможно людьми, иною казною способствовати другу друга, да и вогненой наряд: пушки, и пищали, и доспехи, и всякой разной наряд; то б королевна Елизаветь велела к государю нашему пропускати и привозити: и серу, и нефть, и медь, и олово, и свинец,

и всякое оружие, что к ратному делу пригожаетца; да и мастеров бы велела пропускати всяких, и ратных и рукодельных людей. А государь наш по тому же всякие товары из своего государства в Ангилейскую землю пропускати велит без вывету. И как королевне з государем нашим на Литовского и на его советников стояти и в чом возможно быть и в чем невозможно, и о том бы о всем королевна Елизаветь вам, своим советником, с нами приказала договор чинити; и договора о всех о тех делех и каким докончальным грамотам меж государя нашего и королевны быть, и таковы списки, приговоря, напишем; и о том о всем приговоря, и с тем со всем делом нас бы отпустила королевна к государю нашему, а с нами послала вместе к государю нашему своих послов с тем приговором. И будет государю нашему то дело полюбитца, и государь наш по тому велит и докончальную грамоту написать и печать свою золотую велит привесити; и на той грамоте королевне правду учинить; и х королевне пошлет своих послов с ее послы вместе то дело довершити; и на той грамоте докончальной королевна по тому же правду учинит; и будет с нею государь наш в дружбе и з докончанье за один, и быти б государству Московскому с Ангилейским государством споможеньем всяким против всех своих недрузей общим заодно».

И советники говорили: «Речи мы ваши выслушали, а договору нам о такове о великом деле с вами без королевнина ведома чинити нельзе; и вы нам дайте тем своим речем письмо, и мы то письмо донесем до королевны; а без письма нам тех ваших речей донести до королевны не испомнити; и на какове мере королевна о том деле прикажет с вами договор чинить, и мы тому всему письмо же к вам пришлем тот же час».

И Федор и Неудача им говорили: «Будет вам тем нашим речем письмо надобно, и нам за то стоять не за что: мы к вам тем своим речем письмо пришлем; а что вам о том деле королевна скажет, и вы б то нам вестно же учинили».

И изговоря то, Федор и Неудача хотели ехати к себе на стан, и советники королевнины учили Федора и Неудачю унимати, чтоб они с ними вместе сели; и Федор и Неудача от них отпрашивались, чтоб они их отпустили к себе на стан. И советники говорили: «До стану де вам до своего ехати, не едчи, долго; а приехав де вам к себе на стан, ести королевнино же; а здесь де про вас ести готовлено

по королевнину же приказу; и вы б ехали к себе едчи».

И Федор и Неудача с ними сели; а сидели Федор и Неудача в большом столе, а советники королевнины и пристав алдраман Барн и гости аглинские ели в кривом столе; а ели не за одним столом, потому что Федор и Неудача ели постную еству, а они ели мясную еству. А сидячи за столом, королевнины советники пили чашу до Федора да до Неудачи про государево, царя и великого князя, здоровье, и Федор и Неудача, про государево здоровье выпив чашу, да пили чашу до советников про королевнино здоровье.

А в разговоре королевнины советники Федору и Неудаче говорили: «Здесь де нам слух дошел, что папа римской похваляетца тем, будто он государя вашего с литовским королем помирил?».

И Федор и Неудача говорили: «Воля папе что хочет, то говорить за очи; а коли б он государя нашего с королем помирил, и государь бы наш литовского короля себе недругом не называл и к сестре своей, а к вашей государыне х королевне Елизавети, недругом себе не писал».

А после стола королевнины советники Федора и Неудачю взяли с собою и пошли казати королевниных хором. И как вошли в оружейную полату, и королевнин советник Христофор Хатен подарил Федора самопалом коротким да кордом; а Неудачю самопалом же коротким; а говорил: «Та де королевнина оружейная казна у меня в приказе, и яз де тем оружием и дарю». И Федор и Неудача то у него приняли, и к нему против того свои поминки, у кого что лучилось, посылали.

И как Федор и Неудача пошли с королевнина двора к судом, и те все королевнины советники Федора и Неудачю провожали до судов; а в судех до стану провожали пристав алдраман Барн да гости аглинские те же, которые от стану с Федором и с Неудачею ехали к советником.

И на завтрее того дни декабря в 19 день Федор и Неудача написав речи свои, что говорили советникам, послали к ним с толмачом, с Елизаром, и приказали ему, отдав речи советником, говорити, чтоб они те речи донесли до королевны, и что королевна откажет, и они б тому письмо же прислали к Федору и к Неудаче с ним же с Елизаром.

И декабря в 20. день толмачь Елизар, приехав от советников, Федору и Неудаче сказал: «То де яз письмо, что вы со мною послали, советником отдал; и они де,

взяв то письмо, мне велели ехать назад к вам; а говорили мне: «Мы де те речи донесем до королевы, и что королева скажет и мы тем речем письмо к послу пришлем».

И тех речей советники к Федору и к Неудаче от тех мест генваря по 13 день не присылавали.

И Федор и Неудача говорили приставу алдраману Барну: «Говорили есмя с королевными советниками о государских делах; и королевнины советники, выслушав наши речи, просили у нас тем нашим речем письма и хотели те наши речи до королевы донести, и что королева приговорит, и они тому хотели к нам прислать письмо же часа того. И мы свои речи, что с советники говорили, написав отослали к ним на завтрее же того дни, как мы с ними говорили; а советники и по ся места нам тому, что королевнин приговор, письма не присылавали и того нам неведомо: донесли ли они наши речи до королевы или не донесли?».

И пристав алдраман Барн говорил: «Яз де о том х королевным советником доеду, и те ваши речи до них донесу; и что советники откажут, и яз вам то известно учиню тот же час».

И генваря в 16 день приехал к Федору и к Неудаче от королевных советников пристав алдраман Барн и сказал: «Был де яз у королевных советников, и ваши речи, что вы мне говорили, до них донес; и советники де мне сказали, что они ваши речи до королевы донесли, и королева де ваши речи слушала и приговорила, что вам у ней самой быти, а велит вам у себя быти вборзе».

Да алдраман же Барн в разговоре Федору и Неудаче сказывал: «Государыня де наша, королева Елизаветь, писала де Датцкому королю, чтоб аглинские карабли, которые ходят торговати на Русь, велел пропускати мимо Датцкую земле без зацепок; и король де датцкой к нашей государыне, х королевне, писал, что посылал он воинские карабли, а не велел пропускати на Русь шпанских да барабанских и иных земель караблей, а до аглинских караблей ему и дела нет; а ныне де прислал х королевне другую грамоту, а пишет, чтоб королева агличаном на Русь в Усть-Колу и х Колмогорской пристани торговати ездити не велела; а будет де агличане учнут ездити в Усть-Колу и х Колмогорской пристани торговать, и мне де посылати воинских людей и велети их побивати».

И Федор и Неудача говорили: «То всчинает датцкой король безделье, поруша прежних королей и свое докон-

чанье и крестное целованье, не хотячи видеть государя нашего с королевною в братцкой любви и в соединенье; и о том государь наш х королевне писал: будет датцкой король аглинских гостей на Русь не похочет пропускати, и королева бы приказала гостем своим в Усть-Колу и х Колмогорам ездити с великим береженьем от датцких людей; а в Усть-Колу и у Колмогорские пристани государь наш по тому же велит береженье великое учинити, чтоб аглинским гостем к тем пристанем приходити было бы безстрашно».

И на завтрее того дни генваря в 16 день приехал к Федору и к Неудаче из Лунды тот же пристав алдраман Барн и сказал: «Пришла де ко мне от королевы севодни грамота, а велено вам сказати, что вам быти у королевы на сей неделе в воскресенье; генваря в 20 день, после стола; и о всем вашем деле прикажет с вами своим советником договор чинити; да велели де мне сказать вам советники, чтоб вы ехали х королевне не нарядным делом и людей с собою имали немного, потому у королевы де ныне для вас наряду великого не будет, велела вам у себя быти за просто. А от королевы де вам ехать стояти в город Лунду; там де про вас, по королевнину приказу, двор и корм приготовлен. А поветрее де уже в Лунде унялось».

И Федор и Неудача говорили: «Как нам королева у себя прикажет быти, и мы так готовы».

И в неделю, генваря в 20 день, приехали к Федору и к Неудаче от королевы гости аглинские: пристав алдраман Барн, да алдраман Мартын, да алдраман Полисен, да алдраман Гарт с товарищи, всего пятнадцать человек, и сказали Федору и Неудаче: «Государыня де наша, королева Елисаветь, велела вам севодни быти у себя в селе в Рычмане, а нам де велела ехать с вами же; а быти де вам у нее севодни после стола; а судно де под вас, в чом вам к ней ехать, прислала королева свое».

И Федор и Неудача им говорили: «Мы с вами х королевне ехать готовы».

И сетчи в суды с ними, х королевне поехали.

И как х королевне в село в Рычман приехали, и из судов на берег вышли, и туто была от королевы встреча с колымагами, королевнины дворяне сар Лорд, да Джан Гартле да с ними детей боярских десять человек; а встретясь с Федором и с Неудачею, витались за руки; а витався за руки и сняв шляпы, говорили: «Государыня де наша, коро-

левна Елизаветь, любячи брата своего, а вашего государя, вас жалуует; прислала колымагу свою, в которой сама королева ездит; а прислала колымаги для того, что вам пешим до королевина двора итти далече и грязно».

И Федор и Неудача на королевине жалованье челом били. И сетчи в колымаги х королевину двору поехали. А с Федором и с Неудачею ехали в колымаге королевнин дворянин, что встречал с колымагою сер Ренолд да толмач Елизар; а сидел тот королевнин дворянин в колымаге с толмачем с Елизаром в переднем месте против Федора и Неудачи; а другой королевнин дворянин, что с колымагами же встречал, ехал в особой колымаге с толмачом с Романом з Бекманом. И как х королевину двору приехали и ис колымаги вышли, и тут Федору и Неудаче от королевы была встреча: королевнин ближней человек Ломлин да с ним детей боярских человек с пятнатцать. А встретясь с Федором и с Неудачею, витались за руки, а витався за руки, пошли х королевне на двор; а шли они у Федора и у Неудачи с левые руки; а первая встреча, что встречала с колымагами, шла наперед; а пристав алдраман Барн и иные алдраманы и гости аглинские, от которых торгуют на Руси, шли назади; а за ними шли люди Федоровы и Неудачины. И как вошли в столовую полату, и туто Федору и Неудаче была встреча: королевнины ближние советники, князи удельные: князь Робор Лестерской, да князь Унчдон, да лорд Кобам, да лорд Карлус Георд. А среди полаты была встреча же: князь Унтинтон, да Христофор Хатен, да лорд Клинтон; а встретясь, тебе встречи с Федором и с Неудачею витались за руки, а витався за руки, говорили: «Государыня де наша, королева Елизаветь, ныне в обиходных хоромах у себя; и вы де постойте с нами здесе в столовой полате, подождите от королевы присылки».

А в те поры учили в той в столовой полате играти игрецы в сурны и в трубы и в ыные во многие игры; а дворяне королевнины з боярынями и з девицами учили танцевати.

И советники же Федору и Неудаче говорили: «В том де государыне нашей, королевы Елизавети, не осудите, что при вас танцуют; у государыни у нашей, у королевы, в обычае так ведетца: по вся дни после стола живут потехи и танцеванье».

И Федор и Неудача говорили: «Волен бог да королева:

нас для ей у себя чинов не переставить; как ей годно, так и чинит».

И помешкав немного, пришел от королевы советник ее, Христофор Хатен, и говорил Федору: «Государыня де наша, королева, велела тебе итти к себе в обиходные хоромы». А Неудаче молил: «А тебе де королева велела посидеть здесь в столовой полате; а как будет время, и тебе королева велит же у себя быти». И Федор, взяв с собою толмача Елизара, с советники пошел х королевне, а Неудача остался в столовой полате, а с Неудачею остались ближние люди и королевнины дворяне, которые Федора и Неудачю встречали у королевина двора за ворота и с колымагами у судов, да пристав алдраман Барн и иные алдраманы и гости аглинские, которые ехали х королевне с Федором и с Неудачею от стану.

И погодя с час пришел от королевы к Неудаче советник королевнин Христофор же Хатен и говорил Неудаче: «Государыня де наша королева велела тебе итти к себе».

И Неудача с ним х королевне пошел; и как пришел перед королевну, и королева звала его к руке, а говорила: «Ономнясь тебе у руки моей быти не случилось, потому что яз в те поры заговорила с Федором».

Да королева же Федора и Неудачу учала спрашивать: «Какова де Аглинская земля, и не было ли вам живучи в нашей земле какие нужи?».

И Федор и Неудача говорили: «Земля Аглинская людна добре и угожа и изобильна всем; и нас в твоей земле по ся места твоим жалованьем нужи не было некоторые. То наша и большая нужа: государь наш, царь и великий князь, послал нас к тебе, к сестре своей, к Елизавет-королевне, о великом о своем деле; и мы как у тебя на посольстве были и в те поры тебе присланы — выслушати у нас всего подлинно не случилось; и ты велела нам с своими советники съехатись в селе в Гренючах; и то дело, для чего мы к тебе присланы, велела еси нам объявити своим советником; и мы, по твоему веленью, советником твоим то все дело, для чего мы от своего государя к тебе присланы, объявили; и советники твои тем нашим речем просили у нас письма и хотели те наши речи донести до тебя; и что ты приговоришь, на чом возможно меж вами доброму делу сстатись, и они тому всему язнулись нам письмо жь прислати. И мы тем своим речам письмо советником твоим дали, и они нам и по ся места тому делу ответу не учинили».

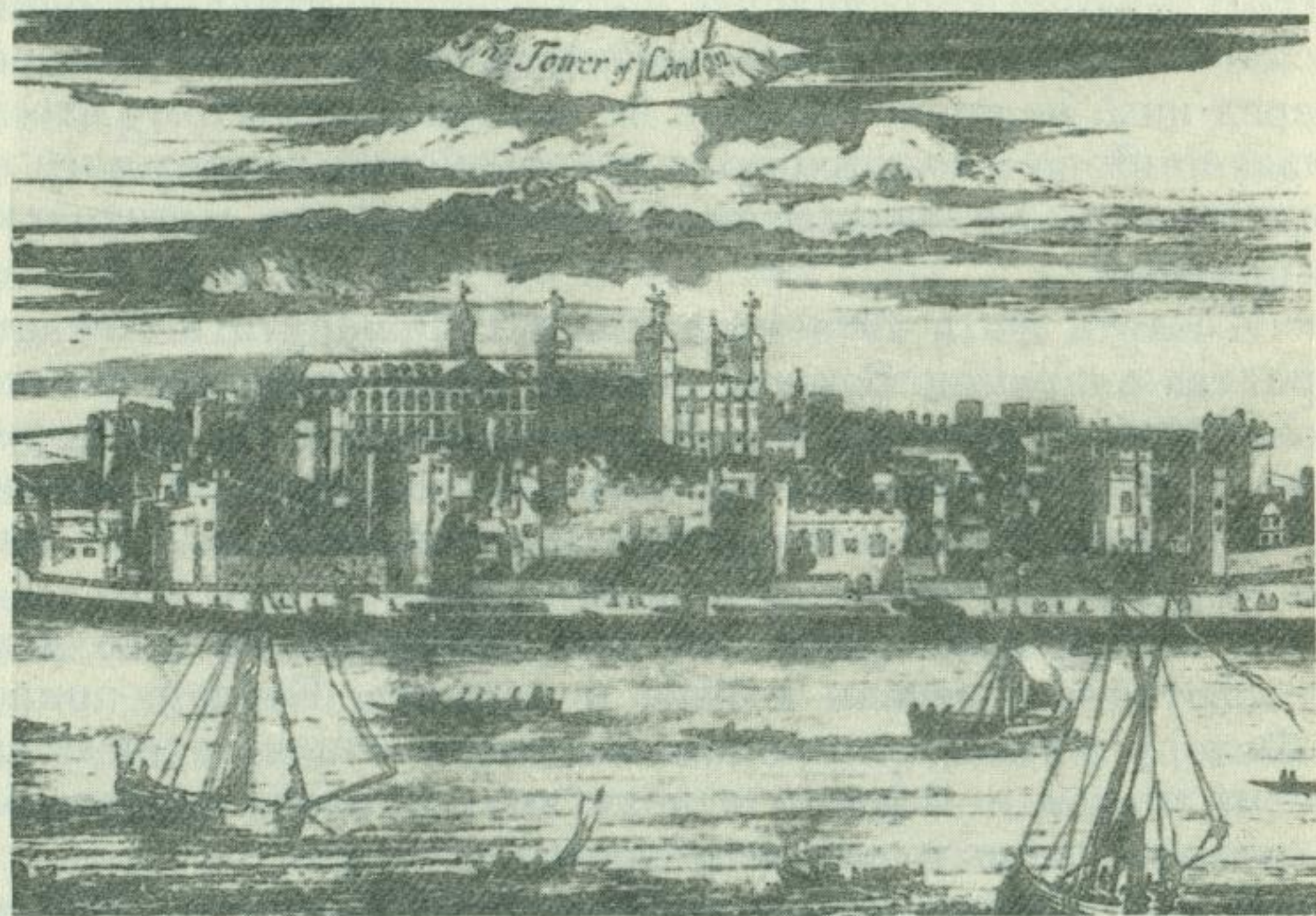
И королевна говорила: «Те де яз ваши речи у советников своих выслушала, а ответу яз вам учинити не велела для того, что не ведомо мне было то дело, о котором деле мне ты, Федор, севодни говорил; а не выслушав всего дела ответу не чинят, а ныне мне те все дела, для чего вы ко мне присланы, ведомы; и яз о тех ваших о всех делех с советники своими буду говорити, и приговоря о всем, велю вам ведомо учинить, на чом возможно меж нами доброму делу сstattись. А ныне вы поедьте в город Лунду: приказала есми вас перевести из села из Улюча стояти в Лунду, чтоб вам стояти ко мне ближе; а поветрее в Лунде, дал бог, минулось».

И Федор и Неудача, ударя челом королевне, пошли от нее ис полаты, а советники королевнины, которые Федора и Неудачю встречали в столовой полате, князь Робер Лестерской, да князь Унчдон, да лорд Кобам, да лорд Карлус Георд, да князь Унтинтон, да Христофор Хатен, да лорд Клинтов, провожали Федора и Неудачю до тех же мест, где они их встречали; а с королевнина двора до колымаг провожали и в колымагах до судов те же королевнины ближние люди и дворяне, где которые встречали. А в судех до города до Лунды с Федором и с Неудачею ехали пристав алдраман Барн и иные алдраманы и гости аглинские те же, которые с Федором и с Неудачею ехали х королевне. А как в Лунду приехали и из судов вышли, и туто Федора и Неудачю встретили городовых алдраманов и гостей лутчих человек с тритцать конных; и под Федора и под Неудачю и под толмачей и под люди посольские привели лошади же и провожали Федора и Неудачю до того двора, где Федора и Неудачю поставили; а поставили их на дворе торгового человека.

Как Федор и Неудача у королевны были, и в те поры у нее стояли те же ее советники, которые Федора и Неудачю встречали в столовой полате: князь Робер Лестерской, да князь Унчдон, да князь Унтинтон, да лорд Кобам, да лорд Карлус Георд, да Христофор Хатен, да лорд Клинтон; да у нее же стояли боярыни и девицы.

И во вторник, генваря в 22 день, пришел к Федору и к Неудаче пристав алдраман Барн и сказал: «Пришла де ко мне от королевны грамота; а велено вам сказати, что вам быти у королевны на Егорьев день вешней; и о всем нашем деле в те поры велит королевна деи подлинной договор учинити; а до тех де мест вам у королевны не бывати».

И марта в 10 день Федор и Неудача велели толмачю Елизару ехати х королевниным советником и велели им говорити: «О котором деле государь, царь и великий князь, к сестре своей, к Елизавет-королевне, Федора и Неудачю прислал, и они то все дело королевне по государя своего наказу объявили и королевна язнулась о том о всем деле с ними с своими советники говорити и, приговоря

на чем возможно меж ними государи доброму делу сstattись, хотела тем ответным речем к Федору и к Неудаче прислати письмо всему подлинно; и тово письма, что о том деле королевнин приговор, к Федору и к Неудаче не присылавали: и советники б о том деле Федору и Неудаче известно учинили: есть ли вам от королевны какой приказ?».

И толмач Елизар, приехав от советников, сказал, что он у советников де был. «И речи де ваши советником говорил, и советники де мне сказали, что им от королевны о всем приказ есть, да ещо у них письмо не изготовлено; и как де письмо изготовим, и мы к Федору и к Неудаче письмо пришлем часа того. Да они же де велели мне вам сказати, что королевна з государем в братцкой любви и в докончанье и на всех своих недругов стояти за один рада, только б де государь королевне то учинил известно: кто ему учинитца недругом, и королевна по этому его

недругу пошлет послов своих и велит ему говорить, чтоб он з государем смирился и недругом ему не был; и будет он з государем не оправдаецца и учнет ему вперед быть недругом, и королевне на того недруга з государем стоять за один; а кто учинитца королевне недругом и государь бы по тому же послал к тому ее недругу послов своих для того, чтоб он с королевною смирился и недругом ей не был; и будет ево речей не послушает, и государю на того недруга с королевною стоять за один; а не сослався де послы с недругом и не оправдався перед ним, недружба мстить не пригодитца, потому что де в здешних во всех странах в крестьянских землях того не ведетца, что не оправдався перед недругом мстить ему недружба».

И марта же в 19 день пришел к Федору и к Неудаче пристав алдраман Барн и сказал: «Писали де ко мне королевнины советники, а велели мне вам молыти: о котором вы деле королевне на посольстве говорили, и против де того дела у них всему ответ изготовлен, и вы б к ним по то дело прислали толмача Елизара».

И Федор и Неудача толмачю Елизару для того дела к советником велели ехать; и толмачь Елизар привез к Федору и к Неудаче от советников ответным речем письмо. И Федор и Неудача велели ему, Елизару, то письмо перевести, и он то письмо перевел.

И в тех королевниных ответных речех пишет: «Приговорила правовышняя и православная и велеможная государыня Елизаветь, милостию божьею королевна Аглинская, Францовская и Хибирская, оборонитель веры крестьянские, как быти любви и докончанью промежь ее величества да и правовышним, православным и велеможным государем Иваном Васильевичем, милостию божьею с царем и великим князем всеа Руси, великим князем Владимирским, и Московским, Новугородцким, царем Казанским, царем Астраханским, государем Псковским, великим князем Смоленским, з Тверским, Югорским, Пермским, Вятцким, Болгарским, и иных, з государем и великим князем Новагорода Низовские земли, с Черниговским, Резанским, Полотцким, Ростовским, Ярославским, Белозерским, Лифляньским, Удорским, Кондинским и всея Сибирские земли и Северные страны повелителем, с ее любимым братом и племянником.

Прошение того правовышнего и вельможного государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси,

чтобы межь ево и королевнина величества быти любви и вечному докончанью; и хто будет одному из них друг, тот бы был и другому друг, а хто будет недруг одному, тот бы и другому был недруг; и где возможно, туто б способствовати другу друга людьми и казною, и всяким оружием, что к ратному делу пригожаецца; и другу б на друга ево недругу пособи не давати; да и мастеров бы всяких, и ратных и рукодельных людей королевна к государю велела пропускати; а послом бы ходить и гостем торговати на обе стороны путь был чист безо всяких зацепок и товару у них не отнимати.

И королевнино величество приговорила, чтоб ей быть з государем в братцкой любви и в докончанье; и хто будет одному друг, тот был бы и другому друг, а хто будет государю недруг, а королевне то будет известно, и королевна х тому недругу пошлет послов своих, чтоб он з государем смирился по суду божью в правду и недругом не был; и будет королевниных речей не послушает, и учнет быть недругом, и королевне на того недруга з государем стоять за один; а хто будет королевне недруг, а государю то будет известно, и ему х тому королевнину недругу по тому жь послати от себя послов своих и велети говорить, чтоб он учинил мир с королевною по суду божью в правду и недругом ей не был; и будет он речей его не послушает, и государю с королевною стояти за один на того недруга. А как учнет у королевны или королевна у него на своих недругов прошати подмоги, и им другу друга спомогати людьми и казною, и всяким оружием, что к ратному делу пригожаецца, с великою любовью и с поспешаньем, как будет возможно. И недругу государеву королевне подмогати не давати и не пропускать пособи ни отколе, будет мочно устояти; а государю на королевну ее недругу по тому же пособи не давати и не пропускати не отколе, будет мочно устояти. А которые ратные, или мастеровые и рукодельные люди похотят итти служити царю и великому князю, а у королевны будут они не на службе какой и по кабалам и по крепостем каким в Аглинской земле не удержаны, и тех людей королевна велела пропускати. А гостем бы торговати и всяким людем тех обеих государств прироженным и подданным их людем ходити на обе стороны путь был чист и торговати всякими товары ввести и вывести без вывету; и товаров у гостей не отнимати, а которые товары понадобятся которому государю, и тому государю за те товары велети по цене деньги платить.

А жити б русским людем в Аглинской земле, агличаном на Руси по земскому суду, как в которой земле обычай ведетца. А торговати б русским и аглинским людем своими товары, а чюжих бы товаров, емлючи у иноземцев за свои товары, никому не привозити; а хто учнет торговати чюжими товары и те товары имати на того государя, в чюю землю с чюжими товаром приедет. И иноземцом бы с Руси в Аглинскую землю на торговлю, ни в работниках не приходити некоторым обычаем. А у государя королевнино прошенье, чтоб государь поволил ходити на Русь торговати одним агличаном, а из ыных бы земель гостем и агличаном, у которых не будет королевниных ослобоженных грамот х Колмогорским пристанем, и к Двинским устьям, ни на Обь-реку, ни Варзугу, ни на Печеру, ни в Колу, ни на Мизень, ни к Печенге, ни к Соловкам, ни в Ызленди, ни на реку Шамскую, и не х которому месту по за Двине к северной стороне, ни посторонь Варгава, ни на караблех, ни в бусах ходити не велел. И чтоб государь и его царские дети правили с докончальные грамоты в век нерухомо. А что царь и великий князь ослобожает агличаном ходити на Русь торговати всякими товары и дворяны своими владети на Москве, и в Ярославле, и на Вологде, и на Колмогорах по их жаловальным грамотам: и королевнино величество то принимает от руки своего любимово брата, царя и великого князя, с великим челобитьем».

И Федор и Неудача прочет ответным речем переводной список, велели толмачю Елизару то письмо, что он привез от советников, отвести назад к советником; а отдав им то их письмо, приказали ему советником говорити: «Для чего государь, царь и великий князь, Федора и Неудачю к сестре своей, к Елизавет-королевне, прислал, и они то все дело королевне объявили, на чом государю возможно с нею быти в братцкой любви и в докончанье, и каковым докончальным грамотам меж государя и королевны быти, то все королевне учинили известно. И они, королевнины советники, прислали к Федору и к Неудаче ответным речем письмо не против Федоровых и Неудачиных речей: пишут то, на чом меж государя нашего и королевной доброду делу сstattися невозможно; пишут государя нашего, царя и великого князя, королевне братом и племянником; а государь наш царь и великий князь королевну чтит, а не бесчестит: пишет ее сестрою любительною. И они бы такие непригожие речи, что к доброду делу

не пристоит, оставили: писали б к государю нашему так же, как государь наш х королевне пишет. Да они же в ответных своих речех пишут, чтоб государь поволил ходити торговати на Русь одним агличаном по королевниным ослобоженным грамотам, ее покорным людем, а опроче б агличан х Колмогорским пристанем, к Двинским устьям, ни на Обь-реку, ни в Варзугу, ни на Печеру, ни в Колу, ни на Мизень, ни к Печенге, ни к Соловкам, ни в Ызленди, ни в реку Шамскую и ни х которым местом по за Двине к северной стороне, ни посторонь Варгава из ыных земель гостем торговати ни в караблех, ни на бусах ни отколе ходити не велети; а с Руси б в Аглинскую землю ходити торговати руским прирожденным и подданным людем с своими товары, а иноземцов бы с Руси в Аглинскую землю ни отколе не пропускали. И тому делу как сstattися, что ходити на Русь х Колмогорским ко всем пристанем торговати одним агличаном, а из ыных бы земель ни отколе гостем на Русь торговати ходити не велети? И то бы себе советники сами розсудили: возможно ли тому сstattися, что Аглинской земле быти об одном об руском торгу, а с ыными б землями не торговати ни с кем, и к себе б не пускать ни с какими товары? Так руским людем об одном об аглинском торгу быти нельзе. Государь наш, царь и великий князь, хочет с своею сестрою, с Елизавет-королевною, быти в братцкой любви и в докончанье в такове: хто будет ему государю друг, тот бы и королевне друг, а хто государю недруг, тот бы и королевне был недруг; а хто королевне друг, тот бы и государю нашему был друг, а хто недруг, тот бы и государю нашему был недруг; и на всех бы своих недругов стоять за одно; а послом бы их и гостем ходити на обе стороны путь был чист безо всяких зацепок; и которые послы или гости с товары из ыных земель отколе нибудь пойдут на Русь к государю нашему через Аглинскую землю, и королевна б тех послов или гостей с товары на Русь велела пропускати безо всяких зацепок; а х королевне отколе послы или гости с товары отколе пойдут через Рускую землю, и государь наш по тому же велит пропускати безо всяких зацепок. И будет королевна похочет з государем нашим доброду дела — быти в братской любви и в докончанье в такове, как ей Федор и Неудача по государя своего наказу на посольстве объявили, — и она б приказала по тому и договор чинити; а мимо тово дела Федору и Неудаче ни которого дела зделати невозможно».

Да и о том Елизару приказали советником молыти, что пишут они в своих в ответных речех во всех статьях у королевны государево прощанье; а государь, царь и великий князь, прислал Федора и Неудачю к сестре своей, к Елизавет-королевне, и велел им королевне объявити, на чом ему, государю, с нею быти в любви и в докончанье возможно, а королевны велел спросити: на какове мере ей з государем нашим быти в любви и в докончанье возможно, а в упрос у королевне ни которых дел государь наш просити не приказал.

И толмачь Елизар, приехав от советников, Федору и Неудаче сказал: „У советников я был и письмо их ответным речем им отдал, и что вы мне велели им говорить, то все им от вас говорил. И советники де, взяв у меня своим ответным речем письмо, мне молыли: «Которые де статьи написаны были не гораздо, не зная русково обычая, и мы де те статьи велим исправить; а братом и племянником де королева государя писала потому, что в здешнем обычае брат и племянник — то одно любовное слово, и коли де в руском обычае то слово безчестно и королевна вперед племянником писать не учнет, а учнет его писати, как ему государю годно; а о пристанех де о Колмогорских, будет Федору и Неудаче не наказано, и они бы де те королевнины речи донесли до государя своего, что она того просит у государя, чтоб поволил х Колмогорским ко всем пристанем одним агличаном ходити, а опроче б агличан иных земель гостем ходити не велел; а своим де послом королевна о том государю наказала же о всем подлинно»”.

И в понедельник, апреля в 22 день, приехал к Федору и к Неудаче от королевны дворянин ее Томос Рандолф и говорил Федору и Неудаче от королевны, сняв шляпу: «Государыня де наша, королевна Елизаветь, велела мне вам говорить, чтоб вы у нее завтра на праздник на Егорьев день хлеба ели».

И Федор и Неудача на королевнине жалованье челом били.

И во вторник, на Егорев день, приехали к Федору и к Неудаче гости аглинские, от которых торгуют на Руси, пристав алдраман Полисен с товарищи, всего пятнадцать человек, и говорили Федору и Неудаче: «Государыня де наша, Елизавет-королевна, велела нам ехати с вами до себя».

И Федор и Неудача с ними х королевне поехали и ехали х королевне рекою в судех; и как х королевне в село

в Гренючь приехали и из судов на берег вышли, и туто Федору и Неудаче была встреча: королевнины ближние люди — лорд Норф, да лорд Комтон, да Томос Рандолф; и встретяся с Федором и с Неудачею, витались за руки, а витався за руки, шла та встреча х королевне на двор у Федора и у Неудачи по левой стороне; и взошедчи на двор, не ходя х королевне, свели Федора и Неудачю в полату, а введчи в полату, лорд Норф, да лорд Комтен, да Томос Рандолф Федору и Неудаче говорили: «Государыня де наша, Елизавет-королевна, велела нам вас поставити в сей полате, чтобы вам было видеть, как она пойдет к церкви молитись».

И немного погодя от королевниных хором пошли попы к церкви и подьяки и учили, идучи, пети; а толмачи сказывали, что пели псалмы; а на попех на всех ризы золотные, а на подьякех ризы полотняные; а за попы шли королевнины советники, а за советники перед королевною шли боярыни и девицы; а над королевною несли четыре человека солнешник. А от хором королевниных и до церкви, как королевна шла, по обе стороны стояли с оружием человек з двести; а на них платье шарлатно, а на иных и скорлатно. И быв у церкви, королевна прошла к себе в хоромы, а Федору и Неудаче в те поры велели итти х королевне за стол.

И Федор и Неудача перед королевну пришли, и королевна им говорила: «Ныне у нас праздник, и яз де вчера посылала вас звати к себе хлеба ести; а ныне вас сама зову, чтоб вы у меня сегодня ели», — а изговоря то, королевна села за стол, и Федору и Неудаче и советником своим велела садитись за стол же.

И Федор и Неудача королевне на ее жалованье ударя челом, пошли за стол; и посадили Федора и Неудачу за особным столом от королевны по левой руке, а в полату вшед направо. А советники королевнины ближние: лорд Клинтон ерль Ленконской, Егорей Талбат ерль Щрозберской, воевода аглинской, Томос Ралеф ерль Сусикской, Робор Дудли ерль Лестерской и Дедбихской, Ондрей Кари лорд Ундунчьской, воевода и наместник Барвыкской Чарлес Хаорд лорд Ефингенской, казначей Улям Сисель князь и лорд Бурлевской, Филип Гаворд ерль Сурийской и Арандерской, Едвард Станлии ерль Дарбирской, Ренолд Кгре елль Кенской и лорд Руфинской, Улям Гарвей ерль Урстюской, Ондрей Гастин лорд и ерль Хунтютинской, Абрис Дудли ерль Уорвыкской и

Лислилской, Фрянцыс Русиль ерль Бедфорской, Хадберд ерль Пенбрукской, Едвард Семер ерль Арфордъской, да дьяк Францыс Валсимгам, ссели за другим столом против Федора и Неудачи у королевы по правой руке, а в полату вшед на лево. А опроче больших своих советников королева за стол сести никому не велела.

И за столом сидя, королева пила чашу про государево, царево и великого князя, здоровье; а пив чашу, велела понести государскую чашу к Федору и к Неудаче и к советником своим. И Федор и Неудача и советники про государево здоровье чашу пили же; а пив чашу, Федор и Неудача королеве говорили: «Мы видя твою любовь к брату своему, а к нашему государю, то ему известно учиним».

Как стол отошел и королева Федору и Неудаче говорила: «Ныне у меня праздник — отпуску вам ныне не будет: и вы поедьте к себе — велю вам быть у себя на отпуске и отпущу вас; и посла своего к брату своему, а к вашему государю, пошлю со всем с тем делом, о чем вы государя своего мне на посольстве говорили».

И Федор и Неудача, ударя челом, пошли от королевы к судом, а провожали их до судов те же королевнины ближние люди, которые встречали их у судов. А в судех в город Лунду и до двора, где Федор и Неудача стояли, провожали их алдраман Барн и иные алдраманы и гости, которые ехали с Федором и с Неудачею к королеве.

И мая в 9 день пришел к Федору и к Неудаче на подворье Шкотцкие земли посол Яков Арбил, да с ним королевнин дворянин Томос Рандолф; и пришед к Федору и к Неудаче, Томос Рандолф говорил от королевы, сняв шляпу: «Государыня де наша, Елизаветь-королева, велела мне с шкотцким послом итти до вас; а ему де хотелось с вами видеть для того, что вы пришли от государя великого из земли из дальние, а государь его, шкотцкой король, государыне нашей королеве друг и приятель».

И Федор и Неудача говорили: «Волен бог да королева, как ей годно, и она так и чинит, а мы ему, своему господину, ради».

А посол шкотцкой говорил: «Пришел де есми к вам челом ударити для того, что вы пришли от государя великого из земли из дальние; а се есми слышал, что государь ваш с королевною живет в братстве и в любви; а наш государь, шкотцкой король, королеве племянник, и мы тому ради, хто королеве друг, тот бы и государю нашему

королю был друг же. Да и для того я пришел к вам, что вам итти мимо государя нашего Шкоцкую землю; и нечто вас на море займет какова невзгода и вы б ко государя нашего берегу приставали без боязни: государь наш, король, примет вас с любовью и бесчестно вам и государя нашего земле не будет. А на переде сего был в Аглинской земле государя нашего посланник Непея, и грех де стался над ним, на море у Шкоцкие земли разбило карабль, и ему де в Шкоцкой земле бещестья никоторого не было, и до Аглинские земли допроводили его честно».

И Федор и Неудача говорили: «Мы тебе, своему господину, ради, а на любви на твоей челом бьем».

И подчивали их Федор и Неудача питьем; и они, не много посидев, пошли к себе.

И мая жь в 25 день в субботу пришел к Федору и к Неудаче пристав алдраман Барн и сказал: «Государыня де наша, Елизаветь-королева, велела мне вам сказати, что вам быти у нее завтра, мая в 26 день, после стола, да и отпуск вам совсем учинит; а быти де вам у нее в селе Гренючах, от Лунды за три версты; а ехати де вам к ней водяным путем в судех; а быв де вам у королевы, ехати стояти в село Вулечь, где вы наперед сево стояли, для того, что карабли на Русь пойдут мимо то село и вы туто в карабли и сядете».

И Федор и Неудача ему говорили: «Как нам велит королева у себя быть, и мы тот час готовы».

И в неделю, мая в 26 день, приехали к Федору и к Неудаче на подворье гости аглинские, от которых торгуют на Москве, пристав алдраман Барн, да алдраман Полисен, да с ними торговых людей десять человек; а приехав к Федору и к Неудаче, говорили: «Государыня де наша, Елизаветь-королева, велела нам с вами ехать до себя».

И Федор и Неудача с ними к королеве поехали.

И как в село Гренючь приехали и из судов вышли, и туто Федору и Неудаче от королевы была встреча: королевнины ближние люди лорд Вынзор, да лорд Морлей, да с ними дворян королевниных и детей боярских человек з дватцать; и встретясь, лорд Вынзор да лорд Морлей с Федором и с Неудачею витались за руки, а витався за руки, шли они к королеве на двор у Федора и у Неудачи по левой руке, а дворяне и дети боярские, которые с ними были на встрече, шли вперед, а пристав алдраман Барн и иные гости, которые ехали с Федором и с Неудачею к королеве, шли за Федором и за Неудачею,

а за гостями шли люди посольские. И как вошли к королевне в полату, и тут Федора и Неудачю встретил у дверей королевнин советник Христофор Хатен; а встретя Федора и Неудачю, велел им итти к королевне. А у королевны в те поры играли игрецы в трубы, и в сурны, и в ыные во многие игры; а дворяне ее з боярынями и з девицами танцевали.

И как Федор и Неудача перед королевну пришли, и королевна призвала их к себе, и велела поставить против себя блиско стулец, и велела Федору сести, и учала говорить: «Отпускаю де я вас ныне к себе; а о котом деле вы мне от моего брата, а от своего государя на посольстве говорили, и яз де во всех тех делах на государя вашего волю далась в дружбе и в докончанье с ним быти, и на всех недругов стояти рада, только б де то мне было от государя вашего известно: хто ему учинитца недругом, а мне будет он друг, и мне, не сослався с ним послы и не оправдався перед ним, и не здав своей правды воевать ево нельзе; коли он речей моих не послушает и перед государем вашим не исправдаецца, и я в те поры на того недруга з государем вашим стоять за один рада, где возможно тут спомогати людьми, а где людьми невозможно, и я рада вспомогати казною и всяким оружьем, что к ратному делу пригожаецца. А хто де учинитца недругом мне, а государю вашему он друг, и государь ваш по тому ж к тому, к моему недругу послал своих послов, и велел ему говорити, чтоб он со мной смирился и недругом мне не был; и будет от государя вашего речей не послушает и учнет мне вперед быти недругом, и государь бы ваш по тому же на того моего недруга стоял со мною за один. А послы де, которые пойдут от государя вашего через мою землю в ыные в кои государства, или ис коих государств послы пойдут к вашему государю через мою землю: и тем послом ходить через мою землю путь чист, опричь папина посла; а папе б де меня государь ваш не выдал — папа мне недруг: только поволити ево людем ходить через Аглинскую землю, и они учнут ходить не для посольского дела — высматривать земли моей. А мастеров де всяких и ратных и рукодельных людей, и товары всякие из своего государства к государю вашему, что ему пригодитца, велю пропускати без вывету. И все хотенье государя вашего, о чом вы мне на посольстве говорили, исполню. А государю де вашему я об одном челом бью и прошу у него тово, чтоб он жаловал гостей моих, которые ходят

торговати в его государство; и пожаловал бы им дал такову жаловальную грамоту, какову был он им пожаловал для меня наперед сего, что опроче моих аглинских гостей к Колмогорским ко всем пристанем из ыных ни ис которых земель гостей торговать не ходити; и продаж бы и правейей гостем моим чинити не велел».

И Федор и Неудача королевне говорили: «О котом деле государь наш к тебе к сестре своей с нами наказал, на какове мере ему с тобою в братцкой любви и в докончанье быти возможно, и мы те все речи по государя своего наказу до тебя донесли; и будет тебе на такове мере, как мы тебе на посольстве объявили, з государем нашим быти в братцкой любви и в докончанье возможно, и ты б по тому велела своим советником с нами и договор учинити и докончальные списки написать таковы же, каковы тебе объявили; а мимо того дела нам без государя своего ведома зделать ничего невозможно».

И королевна говорила: «То де я и сама ведаю, что вам без государя своего ведома некоторого дела зделати нельзе, о чом я государю вашему челом бью и прошу у него. И яз о тех делех вам говорю, чтоб вы те мои речи донесли до государя своего подлинно. А для того яз ныне посылаю с вами к брату своему, а к вашему государю, посла ближнево человека своего Дзерег Боуса и о всех о тех делех наказываю с ним подлинно».

И Федор и Неудача говорили: «Которые речи ты с нами к государю нашему прикажешь, и мы те речи до государя своего донесем. И в том волен бог да государь наш».

И после того королевна учала говорити о дохторе о Романе: «Писал де государь ваш ко мне о дохторе, и яз де по его любви послала к нему из своих дворовых дохторов досужего дохтора Романа: а он здесе моим жалованьем убог и нужен ничем не был, послала есми его любячи брате своего, а вашего государя. И вы де те мои речи донесите до государя своего, чтоб он его для меня жаловал, а он бы на меня не плакал, а мне б в том от бога греха не было».

И Федор и Неудача говорили: «Мы те твои речи до государя своего донесем; а на посольстве есмя тебе от государя своего сказывали, что он и все аптекари, которые с ним приехали, у государя нашего пожалованы всем довольню».

И королевна Федора и Неудачю учала отпускать, а отпускаючи, говорила Федору: «Брату де моему, а своему

государю, исправь де от меня великое челобитье». А изговоря то, звала Федора и Неудачю к руке.

И Федор и Неудача, быв у руки, ударя челом королевне, пошли от королевны к судом. И провожали их от королевны до судов те же королевнины ближние люди, которые встречали у судов: лорд Вынзор да лорд Морлей; а в судех до стану, до села до Улеча провожали пристав алдраман Барн и иные алдраманы и гости, от которых торгуют на Руси. А проводив до того села, поехали назад в город Лунду.

А как Федор и Неудача у королевны на отпуске были, и в те поры у королевны были те же ее советники, которые у королевны были в те поры, как Федор и Неудача были у нее впервые на посольстве.

А в субботу, июня в 1 день, приехали к Федору и к Неудаче от королевны дворянин ее Томос Рандолф да с ним пристав алдраман Барн; и говорили они Федору и Неудаче от королевны: «Государыня де наша, Елизавет-королевна, велела нам вам говорить, чтоб вы те ее речи донесли до государя своего: что наперед ее аглинских гостей на Руси х Колмогорским пристанем ни ис коих земель гости ходить дороги не прознали; а агличане де тое Колмогорские пристани искали много лет, и убытки себе поделали великие. И как они тое пристань нашли, и государь де ваш агличан пожаловал, велел им к той пристани приходить и торговать в своем государстве всякими товары без вывету и беспошлинно; а опроче де агличан х Колмогорским ко всем пристанем ни ис которых земель гостем ходити было не велено; да и грамоты де жаловальные таковы аглинским гостем подаваны были, и они де по тем жаловальным грамотам учили ходить ежелет и привозить всякие товары про его государев обиход и на продажу, и торговали по тем жаловальным грамотам беспошлинно. И после де того государь ваш те свои жаловальные грамоты велел у агличан поимати и велел подавати иные грамоты, что им ходить на Русь торговать всякими товары, а пошлину свою велел на них имати; и агличане де после прежних жаловальных грамот на Русь торговать ходили же и пошлину государеву платили. И государь де ваш сверх своей пошлины взял на аглинских гостех в два года тысячу пятсот рублей, а не ведают за что. И королевне де то досадно, что тое пристань нашли агличане, а государь ваш свои прежние жаловальные грамоты у них велел порудить и велел на

них имати пошлину, да на них же де сверх пошлины взяли тысячу пятсот рублей. А Бараманские де земли немчин Иван Белобород прознал дорогу х Колмогорам за агличаны, а торгует ходя безошлинно и правей на нем никаких не живет. И ныне де королевна все хотенье государя вашего, о чем вы ей на посольстве говорили, исполняет, а у государя вашего просит того, чтоб государь ее людей аглинских гостей жаловал и велел бы ходить х Колмогорским ко всем пристанем одним агличаном, а Ивану б Белобороду и иным гостем ни с которых земель х Колмогорским ко всем пристанем ходить не велел».

И Федор и Неудача говорили: «То мы ведаем, что государь наш, царь и великий князь, прежь того по королевнину слову и по ее грамотам ее людей аглинских гостей пожаловал, велел им в своих государствах торговати всякими товары без вывету и безошлинно как некоторых государств гостем такие повольности не даывано; да и дворы их государь с великими с иолатами и со всяким устроеньем пожаловал на Москве, и в Ярославле, и на Вологде, и на Колмогорах безошлинно же; да и грамоты им свои жаловальные подавал. И аглинские гости торговали в государя нашего государстве всякими товары без вывету много лет безошлинно и прибитки себе великие поделали; а как учили торговати большими своими товары, и промыслы их стали велики; и государь наш велел с них имать своее пошлины половину, а другие половины с них пошлин и иные по государеву приказу не емлют. А на тех на дворах на Москве, и в Ярославле, и на Вологде, и на Колмогорах по тому же многие торговцы живут и торгуют всякими товары без вывету; а с тех дворов с их пошлин никаких и оброку и по ся места не имали. А как государю нашему учинилась война с литовским с Стефаном и с крымским царем и с ыными с пограничными своими суседы, и государь наш для тое войны и для своего подъему с аглинских гостей и с их торговли, и с их промыслов, и с их воров оброку взяти велел на 89-й год тысячу рублей, да на 90-й год пятсот рублей. Да и з своих государь наш со всяких торговых людей, и с тарханов, и з гостей, и с торговых людей, и со всей своей земли, для тое войны деньги по разводу взяти велел. А коли войны не будет вперед, и тогды того имати не велят. А Белобород, сказываετε, ходит торгует безошлинно; и хотя б государь наш Белоборода пожаловал, велел ему в своих государ-

ствах торговати беспошлинно, и в том ему, государю, воля: в своем государстве как хочет ково, так жалуется; только то вам сказывают не гораздо, не ведаючи: мы вам сказываем подлинно, что на Белобороде пошлину с его со всяких товаров емлют; и в подъемы государевы деньги на нем по разводу взяли же; да не томко Белобород, и из ыных изо многих земель гости приходят в государя нашего землю, а беспошлинно ни кто не торгует».

И Томос и алдраман Барн говорили: «Сказываете вы, что на агличенех те деньги взяли для войны в государя вашего подъемы; и мы ныне, ведаем, у государя вашего войны ни с кем не было. А гости аглинские, которые живут на Москве, х королевне писали, что на них ныне сверх пошлинных и подъемных денег, что на них взяли полторы тысячи рублей, правят ныне пятьсот рублей, а не ведают за что».

И Федор и Неудача говорили: «Про те мы деньги не ведаем, пошлинных ли, или иных каких денег на них правят, потому что учинилось то после нас, или будет на них не правят ничего, а они тем государя нашего облыгают. Мы те все ваши речи до государя своего донесем: чего мы не ведаем, да и от государя с нами с которым деле приказу нет, и нам того и делати нельзе».

И Томас и алдраман Барн говорили: «Для де того королевна нас к вам и прислала, и велела вам говорить, чтоб вы все те речи донесли до ее брата, а до своего государя; а с послом де своим те речи все королевна к брату своему, а к вашему государю, приказала же».

А изговоря те речи, Томос и алдраман Барн поехали х королевне.

Июня в 14 день, в пятницу приехали к Федору и к Неудаче гости, от которых торгуют на Руси, пристав алдраман Барн, да алдраман Мартын. А приехав, алдраман Мартын Федору и Неудаче говорил: «Государыня наша, Елизавет-королевна, вас жалуется — прислала к вам со мною по кубку, и велела вас отпустить к себе на Русь; а карабли те, в коих вам ехать, изготовлены, и посол де королевнин с вами ехать готов же; а сести де вам в карабли завтра в селе в Гразевни, от сего села пятнадцать верст. А нам де королевна велела вас проводить до караблей, а севодни де приказала нам королевна заехать х караблем своим и показати вам велела свои воинские карабли; а стоят де те воинские карабли блиско села Гразевни, где вам в карабли садитца».

И Федор и Неудача на королевнине жалованье челом били, а ево алдраман Мартына дарили у кого что лучилось; и караблей королевнинных с ними смотреть ездили. И воинских всего дватцать четыре карабли велики и крепки добре и снаряду на них много: на всяком карабле пушок по семидесят и по осмидесят, а на ином больши; а людей карабельных и воинских, сказывают, живет на всяком карабле до тысени человек. А как Федор и Неудача на караблех были, и в те поры стреляли изо многово наряду, а пристав алдраман Барн да алдраман Мартын говорили: «То де государыня наша, королевна Елисавет, велела вам учинить почесть: как вы приедете ея караблей смотреть, и в те поры приказала из наряду стреляти».

И Федор и Неудача говорили: «Волен бог да королевна, как ей годно так и чинит; а мы на ее жалованье челом бьем».

А смотрив караблей того дня, Федор и Неудача начевали в селе в Гразевни, а пристав алдраман Барн и алдраман Мартын начевали с Федором же и с Неудачею.

А на завтрее того дни, в субботу, июня в 15 день, принес к Федору и к Неудаче пристав алдраман Барн от королевны ко государю грамоту; а принесчи грамоту, Федору и Неудаче говорили: «Государыня де наша, Елисавет-королевна, тое грамоту прислала ко мне топерво и велела ее отдать вам, чтоб вы тое ее грамоту донесли до государя своего».

И Федор и Неудача тое грамоты у нево взяти не хотели, а ему говорили: «Нам грамота к государю своему от королевны вести не пригодится: королевна б послала ее к государю нашему с своим послом».

И пристав алдраман Барн говорил: «Королевна де с своим послом такову грамоту к государю вашему посылает же, а с вами де посылает другую грамоту для того, что пишет к государю о великом деле, а ход морской и путь дальней: каков грех учинитца на море над ее послом, ино б де вы довели такову грамоту до государя своего; а над вами де учинитца, а ее посол пойдет здорово, ино он тое грамоту донесет до государя вашего; а то бы дело, о чом королевна пишет к государю вашему, было известно».

И Федор и Неудача у нево грамоту взяли.

И в те ж поры толмач Елизар привез к Федору и к Неудаче от королевнинных советников ответным речем письмо; а отдав письмо толмач Елизар Федору и Неудаче

сказал: «Советники со мною вам приказали: о котором деле королевне вы на посольстве говорили, и они де, советники, против тех ваших речей написав свои ответные речи, посылали к вам со мною жь, Елизаром, наперед сего; и те де ответные речи вам не понравились; которые де статьи написаны были не гораздо, и они де, советники, язнулись те статьи справити; а справя и переписав ответные речи, хотели прислати к вам, и того де письма ответным речем отослати им к вам не случилось; и они, по королевнину приказу, ответные речи, написав подлинно, послали к вам со мною с Елизаром».

И Федор и Неудача, взяв у Елизара от советников ответным речем письмо, пошли в карабль. И посадили их пристав алдраман Барн, да алдраман Мартын в карабль у карабелщика у Ульяна у Бесчетета. И в кой час Федор и Неудача на карабль взошли, и карабли тот же час пошли на Русь; а всех караблей шло с Федором и с Неудачею и с королевниным послом семь караблей. А шли морем от Аглинские земли до Колмогор пять недель и пять ден; и пришли на Колмогоры в пятницу июля в 26 день.

А которые ответные речи от советников толмач Елизар привез в те поры, как шли в карабли, в тех ответных речей на карабле толмачю переводить было нельзе, потому что на море была волна велика; а сказывал толмач Елизар, что в тех ответных речах королевна государыня писала «братом», а титла государева и королевнина и ответные речи о всех делех писаны по тому же, как и в первых ответных речах было написано, только де и переправлено, что в первых ответных речах писано было о всех делех государево у королевны «прошанье», и те статьи написаны «хотеньем», а не «прошаньем». Да в тех же ответных речах пишет: «Хотенье правовышнево и велеможново государя, чтоб его послом и всяким людем, которым лучитца итти в ыныя государства через Аглинскую землю, путь был чист безо всяких зацепок; или ис которого государства пойдут послы на Русь через Аглинскую землю, и королевна б их по тому жь велела к государю пропускати безо всяких зацепок; и королевнино величество приговорила: которые государи с нею живут в дружбе и в докончанье и веруют с нею одну веру, и государевым послом и всяким людем к тем государем и от них к государю на Русь ходить через Аглинскую землю путь чист безо всяких зацепок». А вперед в их ответных речах тое статьи не было.

У Федора жь да у подьячева у Неудачи в государеве

наказе написано: велено разведывати, как аглинская королевна живет со францовским королем, и с литовским, и с папою, и с цысарем? И за что меж папы и королевны недружба? И как ныне цысарь с турским и с францовским? Да и про всякие дела и обычей велено разведывати подлинно, как ся у них которые дела делают, и сколь велика Аглинская земля, и много ли у них воинских людей живет?

И Федор и Неудача, живучи в Аглинской земле, разведывали про то про все подлинно: королевна аглинская со францовским королем, и с литовским, и с цысарем в миру — войны меж ими и недружбы никакие нет, а с папою де у королевны недружба великая за то, что Аглинская земля преж того была римской закон, и королевна де Елизаветь римской закон оставила и утвердила во всей Аглинской земле люторской закон. А войны де великие у папы с королевною мало же бывало, потому что Аглинская от Римской земли удалела: всего де одинова папа присылал х Кибирской земле, что под королевною же, воинские люди, тому три года минуло; и они, пришед х Кибирской земле, взяли город, а прозвище ему Дингин, и, как ево взяв, засели, и королевна де, сведав то, послала своих воинских людей, и они, пришед тот город взяли назад; а которые люди римские в нем сидели, и тех всех побили, а после де того у папы с королевною война не бывала.

А цесарь со францовским королем в миру, а с турским у него война.

А земля Аглинская не велика; стоит на море на одном острову с Шкотцкою землею; всего, сказывают, Аглинские земли верст с пятьсот, а поперег с триста верст; только земля людна, добре, и богата, и изобилна всем; а воинских людей, сказывают, збирается в Аглинской земле до пятидесят тысяч; а коли де чают приходу воинских людей к Аглинской земле, и в те поры де збирается в Аглинской земле всякого человека бойца до полутора тысячь и больши.

А з датцким королем королевна была в миру жь; а ныне король дацкой не хочет агличан пропускать на Русь х Колмогорам и в Колу, для того что агличане ходят торговать мимо ево Датцкую землю, а пошлины проезжие ему не платят; и он де их беспошлинно пропускати не хочет.

*А се таков список посольства тайново
подад государю Федор Писемской.*

Месяца генваря в 18 день королевна Елисавет велела быти у себя, в селе в Кринмонде, Федору и Неудаче, слышати у них посольства тайного. И как они пришли на двор королевнин, и встречали их от королевны князи и бояре; и как они пришли в полату, и королевна велела у себя быти Федору в тайной полате, и говорила ему: «Приказывал еси ко мне с толмачом Елизаром, и сам еси мне говорил на посольстве, что есть у тебя от государя твоего тайной приказ; и мне было у тебя тогда выслушати нельзя, что было в те поры людей много. И ныне есми призвала тебя на одине, и ты мне извести, что ко мне приказ от государя твоего».

И Федор говорил: «Государь наш, царь и великий князь, велел тебе сестре своей любительной, Елисавети королевне, говорити: Выпрашивали есмя дохтора Романа, которой от тебя ко мне прислан, естли у тебя какова государская дочь, вдова ли государская жена, или девица от государского прироженья, и дохтор Роман нам сказал, что есть у тебя удельного князя дочь Хунтинтинского, а тебе де, королевне, племянница, а имя ей Мария Хастин. И ты б, сестра наша любительная Елизавет-королевна, послу нашему Федору тое девицу показала, и парсон ее велела написати, и прислала бы к нам с Федором. А будет она пригодитца к нашему государскому чину, и мы о том деле будем с тобою говорити, как будет пригоже».

И королевна Елисавет говорила: «Любя брата своего, вашего государя, рада с ним быти в свойстве; а слышала есми, что государь ваш любит красные девицы, а моя племянница не красна, и чаю, что государь ваш ее не полюбит; и яз о том государю вашему много челом бью, что, любячи меня, хочет меня к себе имети в свойстве; а лица ее написати и к государю вашему послати соромлюся, что она не красна, а не может добре, и лежала воспицею, и лице ее красно и ямовато».

И Федор говорил: «Государь наш, царь и великий князь, послал меня, посла своего, к тебе, сестре своей любительной, надеючись на твою любовь, и свою любовь к тебе прямо держит и крепко; и ты бы, государыня, тое девицу велела мне показати, парсон бы ее велела написати, какова она есть».

И королевна говорила: «Топерво дитя-девица недо-

могает, а так, какова она топерво есть, не мочно парсон ее велети написати, хотя мне давай всего света богатство».

И Федор говорил: «То бы, государыня, от тебя государю нашему большая любовь, чтоб ты велела написати парсон ее, какова она есть».

И королевна говорила: «Коли де так, ино как она обможетца, и яз ее тебе покажу, и парсон ее велю написати».

Да королевна же говорила Федору: «Есть ли де у тебя иной приказ, как тому делу великому сстатца?».

И Федор говорил: «Приказ у меня от государя моего есть, что велел мне о том деле говорити, а закрепить мне того дела не велено, а приговорити велено. А даст бог, государыня, как твои послы у государя нашего будут, а полюбитца ему твоя племянница, и он о том деле приговор велит учинити, и закрепить».

И королевна говорила: «Яз де, не договорясь и не укрепя подлинно, не отпущу не токмо свою племянницу, и моложе тое без крепкого договору не отпущу; и ты де мне скажи, ест ли за тобою больше того речей о том деле, как моей племяннице быти за государем вашим».

И Федор говорил: «Государь, государыня, мне наказал о том деле приговорити; и каким обычаем мочно тому делу сстатись промеж государя нашего и тебя, государыни нашей Елизавет-королевны, и закрепить того не велено».

И королевна говорила: «И ты де мне объяви все, а говорю с тобою сама о том деле, а советником своим о том с тобою говорити не велела».

И Федор говорил: «Государь, государыня, наш велел говорити: как судом божьим за государя за нашего зговоришь своею племянницею, и быти твоей племяннице за государем за нашим во крестьянской вере, в одной вере з государем нашим. А которые с нею будут бояре, и боярыни, которые похотят жити у твоей племянницы на дворе на государском, и тем быти во крестьянской вере с нею; а которые похотят ехати назад в Аглинскую землю, и тем поехати с государским великим жалованьем добровольно, и путь им чист по договору, на чем докончанье приговорят. И вперед послом, которых ты, королевна Елисавет, пошлешь к государю, или к своей племяннице, тем путь чист приехати и отъехати с государским великим жалованьем добровольно».

И королевна говорила: «А только будут дети у государя вашего с моею племянницею?».

И Федор говорил: «Дай, боже, государю нашему многолетствовати. А быти на государстве сыну государя нашего, государю нашему царевичю князю Федору и его детем; а которых бог даст детей государю нашему с твоею племянницею, и тем детем государевым быти на уделех по их государскому чину, как у них у государей издавна чин ведетца; а учнет государь их жаловати в ровенстве по степени с царевичем Федором».

И королева говорила: «А только будет у государя у вашего дочь, и тогды как быть?».

И Федор говорил: «Государь наши дают свои дочери за государей и за государских детей».

И королева говорила: «А за кого де государь ваш своих дочерей давал, за которова государя?».

И Федор говорил: «У государя нашего дочери были, и их не стало во младенчестве; а у отца его, у великого князя Василия, дочерей не было, а была дочь у государя у деда его, у великого князя Ивана, великая княжна Олена, и была за Олександром, королем польским».

И апреля в 5 день приезжал к Федору Томос Рандолф, а говорил от королевы Федору: «Говорил еси от своего государя королеве, чтоб тебе показала Хунтинтинского князя дочь, а свою племянницу Марию Хастинс, а парсон бы ее велела написати, и послала бы с тобою к государю вашему; и яз де сказала тебе, что она не может, и как будет здорова, и яз ее тебе велю показать, и парсону ее велю написати, и с тобою пошлю к брату своему; и племянница де моя ныне не может, и тебе ее казати и парсону ее писати не мочно».

И Федор говорил: «Государь наш хотел с королевною доброго дела и кровной свяски, чтоб вперед межь государя нашего и королевы Елисавети была дружба неподвижно. И будет похочет королева Елисаветь государя нашего к себе любви и братстве, и дружбы, и королева б по тому делала, как со мною государь мой о тех делех наказал: и будет по тому делати не похочет, и королева б меня велела отпустить к государю моему».

И Томос Рандолф говорил: «Яз де речи твои донесу до королевы, волен бог да королева».

И на завтрее того Томос Рандолф прислал по Елизару, и говорил ему: «Что де Федор добиваетца у королевы племянницы смотрити? А как вы поехали, и у государя был один сын, а ныне у него другой сын родился». А те речи он Елизарю говорил втайне; и Елизарей ему говорил:

«Что те речи ссорные и мне де Федору те речи сказати».

И пришед, Елизарей сказал Федору, и Федор послал Елизаря к советникам, и велел ему говорити: «Чтоб королева ссорным речем не верила; лихие люди ссаривают, не хотя промеж государя да королевы доброво дела видети; а верила б королева государственной верующей грамоте, да мне, послу его; а то все видел Елизарей толмач, перед ним меня государь отпускал, да и наказывал о том деле».

И советники молвили: «Тем де речем королева не верит, а будет все так, как государь с Федором х королеве приказывал».

Мая в 17 день приезжал Томос Рандолф от королевы, а говорил Федору: «Яз де речи твои донес до королевы, и королева велела тебе сказати, что племяннице ея дал бог лехче, и тебе ее велела показати; а смотреть тебе ее велено здесь, в Лунде, у своего советника у канслира у князя Томоса Брумлева, а велела тебе королева взяти с собою одного Елизаря, а опроче бы его, иного бы еси не взял с собою; а тамо таково же не будет никого, опроче князя Томоса, да ее брата князя Хунтинтинского и их семей». И взяв Томос Федора, поехали к судну; а в судно седши, поехали х канслиру; и как приехали на канслиров двор, и канслир его встретил, а с ним князь Хунтинтинской, и повели Федора в сад, а в саду чердак наряжен, и в чердаке поставлены двое кресла, обиты бархаты золотными. И как пришел Федор в чердак, и князь Томос велел ему сести в кресле, а в другом кресле сам сел; а князю Хунтинтинскому и Томосу велел сести по лавкам; и говорил князь Томос Федору: «Говорил еси от своего государя государыне нашей, королеве Елисавети, чтоб тебе велела показати князя Хунтинского дочь Марию Хастинсу, и королеве было ее невозможно показати, и не хотя королева послушати государя вашего, для его к себе великие любви, велела ее тебе показати, и парсону ее велела написати; и княжна Хунтинса узжо здесь будет с моею княгинею».

И погода немного, пришла княгиня Томосова, а другая княгиня Хунтинского князя, а промежь себя привели княжну Хунтинского Марию Хунтинсу; и с ними пришли многие боярыни и девицы. И как пришли против князя Томоса, и Федор и он встали и им поклонились; а они против поклонились; и князь Томос Федору говорил: «Высмотри гораздо, королева велела тебе показать

свою племянницу не в темне месте, ни в коморе, ни в полате — на свету». И после того они пошли в сад гулять, и князь Томос, встав, в сад же ходил гуляти, и Федор с ними, и опять встретились, для того чтоб Федор высмотрил ее гораздо.

И говорил князь Томас Федору: «Ужли еси высмотрил гораздо?».

И Федор говорил: «Яз по государя своего наказу, и по королевнину велению смотрил».

И князь Томос опять Федора взял в чердак, и велел принести овощей и вин в кубках, и Федора подчивал. И Федор, немного посидев, да к себе поехал, высмотря князя Хунтинского дочь; и князь Томос да князь Хунтинской проводили Федора до судна и воротились, и Томос Рандолф Федора проводил до двора.

И княжна Хунтинского Мария Хантис ростом высока, тонка, лицом бела, очи серы, волосом руса, нос прям, у рук пальцы тонки и долги.

И королевна Федору говорила на отпуске: «Племянницу еси мою высмотрил ли?».

И Федор говорил: «По государскому наказу и по твоему велению смотрил племянницу твою, а парсоны ее мне в те поры не показали, и мне по ся места парсоны ее не даывали».

И королевна Федору говорила: «Парсуну ее в те поры казати я не велела, а пришлю к тебе парсун ее с Томосом с Рандолфом, у меня того немногие ведают, а у тебя б по тому жь ништо не ведал, доколе будешь у государя своево; а делаю с братом своим в правду, а не оманкою, — какову еси видел, такову к тебе парсун ее пришлю».

И Федор говорил: «В том волен бог да ты; а что еси видел, так известно и государю своему учиню».

И королевна говорила: «Чаю де государь ваш племянницы моей не полюбит, не токмо государь ваш, чаю кое ты ее не любил».

И Федор говорил: «Мне ся кажет, что племянница твоя красна, а сставаецца то судом божьим и будет судить бог племяннице твоей быти за государем нашим, и она ся ему полюбит. Что мне о том деле государю своему от тебя сказати?».

И королевна о том говорила: «Я де о том приказала с своим послом».

Королевна жь говорила: «Донеси слова мои до государя своего, до моего брата, что еси от его любви неотступ-

на, и он бы ся на меня надеял, и угождати ему во всем рада, хотя мне о которых делех советники мои отговаривати станут, и яз их не стану слушати, а буду делати, что годно брату моему, а вашему государю; а о всех делех, и о тайном деле и о докончанье посылаю посла своего, и с ним о всем приказываю подлинно».

Июня в 13 день Томос Рандолф приезжал к Федору в село в Улижь, и говорил: «Королевна де прислала к тебе парсун княжны Хунтинского, а своей племянницы, и велела тебе отвести к ее брату, а к своему государю».